

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВИЧ
МЕННЕР**

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ГЕОЛОГИИ, ГЕОФИЗИКИ, ГЕОХИМИИ
И ГОРНЫХ НАУК
ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВИЧ
МЕННЕР:
УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

МОСКВА
1995

Авторы:

**Ю.Б.ГЛАДЕНКОВ, А.И.ЖАМОЙДА, И.С.БАРСКОВ, Д.М.РАУЗЕР-ЧЕРНОУСОВА,
М.А.АХМЕТЬЕВ, К.В.НИКИФОРОВА, К.И.КУЗНЕЦОВА, И.С.ГРАМБЕРГ,
В.Д.НАЛИВКИН, Б.В.ПОЯРКОВ, Р.И.ВОЛКОВ, П.САРТЕНЕР**

УДК 551.7(012)

**Владимир Васильевич Меннер: ученый и человек / Ю.Б.Гладенков, А.И.Жамойда,
И.С.Барсков и др. - М., 1995. - 62 с. - ISBN 5-201-12019-9**

В книге помещены воспоминания об академике Владимире Васильевиче Меннере (1905-1989 гг.) - ученом высочайшего уровня, одном из наиболее уважаемых стратиграфов мира и прекрасном человеке. Разносторонне образованный геолог, талантливый исследователь, человек широких интересов и культуры, В.В.Меннер оставил глубокий след в истории русской геологической науки, он был ярким представителем русской интеллигенции. Все авторы воспоминаний, русские и зарубежные ученые, отмечают безграничное обаяние личности академика В.В.Меннера. Пройдет время, но духовные ценности, оставляемые нашими учителями, всегда будут служить достойным ориентиром для молодых поколений.

Для геологов, стратиграфов, палеонтологов, студентов, преподавателей геологических вузов и для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

Ответственный редактор *Ю.Б.Гладенков*

Редакционная коллегия:

Ю.Г.Леонов, О.Ю.Гаврилов, С.А.Куренков, М.А.Семихатов, В.Г.Гербова

ISBN 5-201-12019-9

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995
© Геологический институт РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Эти воспоминания посвящены академику Владимиру Васильевичу Меннеру — большому ученому и большому человеку. Каждый из авторов очерков вспомнил что-то свое, но все они, не сговариваясь, выделили те черты его личности, которые проявлялись особенно ярко и составляли его сущность. Владимир Васильевич был ученым высочайшего уровня и одним из наиболее высокоуважаемых стратиграфов мира. Все отмечают, что он был прекрасным педагогом и принципиальным человеком, и одновременно все без исключения говорят, что Владимир Васильевич был высокопорядочной личностью и просто жизнерадостным человеком. Среди его достоинств — постоянство в дружеских привязанностях, его доброта, простота и открытость, которые остались в памяти, как и его высокий профессиональный и моральный авторитет.

Все воспоминания о Владимире Васильевиче сопровождаются каким-то особым приподнятым настроением и доброй улыбкой. Они рисуют его как человека, у которого каждый из нас может учиться: кто — умению профессионально, отдавая все выбранному пути, работать, и, что очень важно, созидать, кто — принципиальности и человеческой порядочности, кто — готовности всегда защищать справедливость и достоинство, кто — доброте и состраданию. Не будет преувеличением сказать, что в нашей памяти он остался ярким представителем русской интеллигенции.

Приятно отметить, что Геологическим институтом РАН выпущены два тома "Избранных трудов" В.В.Меннера (1991–1992 гг.). В них читатель может найти достаточно полное собрание его научных работ. Там же приведен и очерк его научной деятельности. Настоящие воспоминания можно рассматривать, с одной стороны, как своеобразное дополнение к этим трудам, а с другой — как специальную попытку воссоздать образ этого замечательного человека, чтобы оставить его в памяти на долгие годы. Пройдет время, но духовные ценности, оставленные нашими учителями, всегда будут служить молодым поколениям.

Авторами воспоминаний являются как российские, так и зарубежные геологи — обаяние личности В.В.Меннера не знало границ. Они

принадлежат разным научным школам и работают в различных учреждениях разных городов и стран. Но всех их отличает искренняя готовность сказать доброе слово о Владимире Васильевиче. Непохожесть очерков (по объему, тематике и пр.) является, наверное, не столько недостатком, сколько их достоинством. Хотелось бы искренне поблагодарить всех авторов за их участие в подготовке этого сборника. Это А.И.Жамойда, И.С.Барсков, Д.М.Раузер-Черноусова, М.А.Ахметьев, К.В.Никифорова, К.И.Кузнецова, И.С.Граumberг, В.Д.Наливкин, Б.В.Поярков, Р.И.Волков, П.Сартенер, Ч.Холланд.

Разносторонне образованный геолог, талантливый исследователь, человек широких интересов и культуры, Владимир Васильевич Меннер оставил яркий след в истории русской геологической науки. Он навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

Ю.Б.Гладенков

Владимир Васильевич Меннер — выдающийся геолог, человек широких интересов и культуры, оставивший яркий след в истории русской геологической науки. Он навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ В.В.МЕННЕРА

Две вещи в мире особенно изумляют нас: звездное небо над нами и нравственное начало внутри нас.

Э.Кант

Несколько раз пытался я записать свои воспоминания о Владимире Васильевиче Меннере. И каждый раз останавливался: очень трудно найти форму изложения, чтобы исчерпывающе рассказать о фигуре такого масштаба, как Владимир Васильевич. В памяти встает столь многое, что выделить самое главное и отсечь то, что может быть дорого лишь автору воспоминаний, кажется почти невозможным.

Вот и сейчас я берусь за эти заметки с большой осторожностью. С одной стороны, я действительно долгие годы встречался с Владимиром Васильевичем, достаточно близко знал его и потому могу о многом рассказать. С другой стороны, в коротких заметках это очень трудно осуществить — есть опасность многое упустить. Можно было бы попытаться рассказать о В.В., вспоминая те или иные частные случаи из его жизни, отдельные эпизоды. Но я сделаю это как-нибудь позже. Не буду сейчас касаться и научных заслуг В.В. — они широко известны, хотя специальный анализ его научного творчества еще только предстоит. В этих заметках хочется кратко рассказать, кем был В.В. для моего поколения, и остановиться на тех жизненных уроках, которые он нам преподал самой своей личностью.

Может быть, я преувеличиваю, но в последние годы жизни В.В. наши отношения были весьма доверительными и добрыми. Мне так и хочется сказать — товарищескими (при всей разнице в возрасте). Но все-таки я и мои сверстники видели в В.В. прежде всего учителя. Это происходило в первую очередь потому, что В.В. постоянно воспитывал нас своим примером — делами и стилем работы, отношением к жизни, добротой, справедливостью и требовательностью. Как никто другой, он мог выслушать коллегу, одобрить и помочь. Высокий уровень нравственной обстановки в ГИНе в значительной мере поддерживался именно им. Было нормой, что каждый мог рассчитывать на его внимание и справедливость.

Как истинный педагог, он учил незаметно, естественно и ненавязчиво. На первый взгляд, спорить с ним было вроде приятно (ну как же, с самим академиком В.В.Меннером дискуссия!) и опасно (никто не хотел выглядеть некомпетентным). Но тот, кто часто общался с ним, привыкал к естественности этих споров. Они были стилем научной жизни, необходимостью нашего бытия.

Все знают о потрясающей эрудиции В.В. и его громадном влиянии на поколения геологов нашей страны. Он был одним из лидеров стратиграфии не только благодаря знанию практически всех проблем стратиграфической колонки — от докембрия до четвертичной системы, но и потому, что в отличие от многих геологов имел целостное стратиграфическое мировоззрение, т.е. ту систему взглядов, которая сама по себе может считаться большим достижением науки.

Хочется отметить одну из самых главных особенностей его личности: он был оптимистом в науке. Даже среди выдающихся исследователей настоящие оптимисты не так уж часты. Многие ученые могут быть хорошими критиками, пронизательными аналитиками или искусными компиляторами, но порой им чего-то не хватает для движения вперед. В.В. в этом отношении был другим. Он умел видеть в любом геологическом материале изюминку, в любом докладе — интересное, в любом методе — перспективное. Поэтому не случайно он всегда поддерживал новое и новаторов. Можно вспомнить, как он пропагандировал палеомагнитный метод на заре его использования или изучение конодонтов, когда они совсем не были популярны у стратиграфов. А его отношение к палинологии или выделению зон по планктонным и бентосным группам? Он постоянно обращался к идее дальнейшей детализации стратиграфических схем и надеялся, что комплексное использование всех методов (в том числе и новых) обеспечит гораздо более дробное расчленение древних толщ, чем это было до сего времени. И в этом он опережал многих известных стратиграфов.

Сейчас много говорят об экосистемном подходе, на его основе созданы специальные программы. Но не все помнят, что В.В. был одним из первых, кто поддерживал эти идеи еще 20–25 лет назад. Когда его спрашивали, почему те или иные перспективные идеи медленно воплощаются в жизнь, он отвечал, что для этого нужно время, не все могут понять их сразу, существует здоровая консервативность взглядов, которая рушится только под влиянием практики. Кстати, идею хроностратиграфического подхода, которая сейчас общепринята, он отстаивал еще в 50-е годы, встречая сопротивление со стороны многих практиков и теоретиков, причем не только в нашей стране, но и за рубежом.

Поддерживая новые методы, В.В., наверное, чем-то увлекался. Но это увлечение не переходило в недостаток, ибо он всегда умел отличить главное от второстепенного и определить место каждого метода.

О его увлеченности геологической наукой хочется вспомнить особо. Наверное, это было основным в его жизни. Отсюда его темперамент при участии в дискуссиях и его поразительная щедрость в отдаче идей. Отсюда же и его регулярная поддержка тружеников науки. В.В. любил работающих и не очень жаловал недорабатывающих специалистов — лентяйствующих или отвлекающихся. Особым уважением В.В. поль-

зовались энтузиасты — активные и талантливые люди, которые способны не только искать, но и находить, т.е. реально что-то создавать в науке. Можно вспомнить его трогательное отношение к Д.М.Раузер-Черноусовой, уважительное к Б.М.Келлеру, заботливое к С.В.Мейену, И.Н.Крылову и многим другим.

Однако его темперамент проявлялся и в критике. Руководствуясь интересами истины, В.В. мог весьма резко раскритиковать доклад или диссертацию и в эти минуты выглядел совершенно не таким добродушным, каким обычно бывал. Вспоминается его отзыв об одной диссертации, наполненный болью за снижение требовательности к научным исследованиям и кончавшийся горькими словами: "Куда же идет наша наука?!" И как грустно было видеть, что диссертация, которую он когда-то не пропускал, через несколько лет после его ухода из жизни безо всякой переработки была спокойно защищена. Что это — снижение общего уровня нынешних работ?

Хочется напомнить о большом чувстве ответственности В.В. Оно было одной из основ его человеческой сущности. Ответственность никогда не была для него в тягость, он весь выкладывался при выполнении того или иного дела. Вспоминается, как он мог долго заниматься организацией совещания, которое потом проходило блестяще, ибо все было им предусмотрено. Или как он днями и вечерами составлял стратиграфические схемы по какому-либо региону, которые затем оказывались наиболее обоснованными, так как он заранее в деталях прорабатывал все имевшиеся данные. В.В. очень ответственно относился к подготовке своих лекций и докладов (подбирал литературу, новые материалы, составлял план и готовил иллюстрации). Он безусловно мог блестяще импровизировать в своих выступлениях, но всегда использовал возможность покопаться перед докладом в свежих материалах, чтобы сделать анализ той или иной проблемы на самом высоком уровне.

Владимир Васильевич часто брал на себя действительно большую ответственность (вспомним хотя бы, что он отвечал за научную программу XXIV Международного геологического конгресса). Но он не боялся ее, тем более тогда, когда речь шла о решении серьезных научных и организационных проблем, о налаживании международного сотрудничества, престиже отечественной науки, принятии справедливых решений в отношении людей (что часто было, ох как не просто!) и др. Это, с одной стороны, ответственное отношение к делу, а с другой — умение брать на себя ответственность (со всеми вытекающими последствиями, в том числе и определенным риском для себя) как нельзя лучше характеризуют Владимира Васильевича.

Многие из нас помнят, что В.В. всегда прилагал максимум усилий, чтобы решить какой-нибудь организационный вопрос, если это было необходимо для науки (независимо от того, касалось ли это жизни всего института, проведения научного совещания или поездки за гра-

ницу какого-либо специалиста). Он ходил по инстанциям, убеждал, "пробивал". И как правило, многого добивался. Его бескорыстие и заинтересованность в деле, его порядочность и доброжелательность, его умение доказать — все это не только помогало преодолевать разные заслоны, но и вызывало сочувствие даже у бюрократов. Когда в такой организационной деятельности встречались неудачи, он расстраивался, особенно, если упирался в стену равнодушия и формализма. Агитировать он мог, унижаться — нет. Сотрудничать мог, но поступаться человеческими принципами никогда не позволял. Может быть, это было одной из причин его ухода с некоторых административных постов.

Нельзя забыть и усилия В.В. по созданию "наибольшего благоприятствования" для молодежи. Поддержка различных научных поисков была нормой. Такой же нормой была поддержка всех индивидуально-стей, несмотря на все сложности характеров. Как никто другой, В.В. принимал разные стили и разные направления научной работы. Он понимал, что люди работают с различной скоростью и глубиной проникновения в ту или иную проблему. И тут надо обязательно вспомнить о демократичности В.В. Вот уж кто действительно был демократом! Свобода высказываний — в разговоре, в статье, в диссертации — именно это было нормой в общении с ним. Поэтому в ГИНе победы в науке одних добывались не ценой поражения других, а совместным приближением к истине. Нужно отметить, что степени, звания и должности В.В. никогда не отделяли его от сотрудников.

Когда говорят о человечности, имеют в виду прежде всего доброту. В.В. был истинно добрым человеком. Как часто наши личные беды и заботы вызывали его деликатную помощь! Можно было бы вспомнить о многих его добрых поступках — это тоже было нормой. Мало кто знает, что он втайне поддерживал нуждающихся сотрудников деньгами. Но его человечность была шире. Он был глубоко порядочным и справедливым человеком и всегда расстраивался, когда видел несправедливость и непорядочность. Узнав о каком-нибудь не очень благородном поступке, он говорил укоризненно: "Ну это уж совсем неприлично", — и это означало, что человек потерял в его мнении очень много. Он сильно переживал, когда сталкивался со случаями непорядочности. После этого он озадаченно и с горечью говорил: "Ну что с ними поделаешь?" В.В. прощал людям многие недостатки, но выводы умел делать соответствующие. Это, конечно, исключало какую-либо мстительность. В.В. был мудр и относился ко всему философски.

Благородство было вообще свойственно старшему поколению геологов ГИНа. Именно это своим примером, своей реакцией на те или иные события и поступки В.В. передавал новым поколениям. И как иногда бывает грустно, когда люди, относящие себя к ученикам В.В., позволяют себе неджентльменские поступки.

Его человечность сказывалась и в трогательном отношении к учителям. Нужно было видеть его глаза, когда он вспоминал их — М.В.Павлову, А.Д.Архангельского, Н.С.Шатского и других. Благодарность к учителям, уважение к соратникам и забота об учениках были в нем всегда рядом.

Владимир Васильевич был очень деликатным человеком, не любил осложнений и ненужных конфронтаций в научной жизни. Известно, что он был мастером компромисса, очень часто при нем работали, как говорится, в одной упряжке совершенно разные и даже не всегда симпатизирующие друг другу люди. Но когда было нужно, он мог публично и резко высказаться по любому вопросу и выступить с критикой, невзирая на лица. В.В. мог пойти наперекор общему мнению, заявить о своем совершенно отличном видении той или иной проблемы или внести предложение, которое не нравилось многим. Вспоминается, как он негодовал, узнав о случае научного плагиата ("Это же позор! В нашем институте таким не место".) Можно вспомнить также о его достойной позиции во время одного научного конгресса, когда на него пытались "давить" от имени одного из сильных мира сего (речь шла о снятии из программы докладов неугодных кому-то авторов): "Это наука. Здесь вопросы решаются в открытой дискуссии. Все объявленные доклады будут произнесены. Их снятие было бы неуважением к людям". Сказано было достойно и твердо.

При обсуждении кадровых вопросов В.В. открыто, хотя и деликатно, давал принципиальную оценку тому или иному человеку, поддерживая прежде всего справедливых и ответственных людей. Многие из нас с восхищением следили за тем, как умно и мужественно отстаивал он свою точку зрения на собраниях. И не случайно он стал для нас символом не только эрудиции, глубоких знаний, доброты, но и мужества и принципиальности.

ГИН для В.В. был главным домом и главной заботой. Около него каждый работающий всегда находил достойное место и при желании мог полностью реализовать себя в науке. В.В. мог советовать, критиковать (ох, какие это были иногда разносы!), но никогда не становился на путь научного давления. Он пристально наблюдал за работой каждого и всегда помогал во всех отношениях.

Предметом его особого внимания и гордости были первопроходческие научные работы. В.В. понимал, что идей в научный обиход выплескивается не так уж много, а после отбора остаются лишь некоторые из них. И часто творцом идеи становится не тот, кто "бросил" ее в практику геологии, а тот, кто обеспечил ее широкое внедрение. Вот почему В.В. всегда помнил об авторах идей. Он отдавал им должное и очень не любил, когда их забывали — в научном или ином отношении; среди пионеров идей он числил, например, М.Ф.Нейбург, Д.М.Раузер-Черноусову, С.Н.Наумову, В.Г.Морозову, С.С.Чердынцева, С.В.Мейена, И.Н.Крылова и др.

В последние годы жизни В.В. часто говорил: "Все-таки людей надо оценивать по делам и поступкам". И действительно, он любил реальные дела, созидание, т.е. получение новых результатов по тому или иному региону или по той или иной ископаемой группе, создание конкретных обобщений и монографий, подготовку докладов, новых стратиграфических схем, проведение проблемных совещаний и т.д. Если человек хорошо проявлял себя в этом отношении, он вырастал в глазах В.В. ценил не только дела, но и поступки. Если кто-то поднимался за правду в научных спорах, шел за справедливость против течения или трусливого молчания, рискуя подчас своим благополучием, В.В. всегда старался поддержать его. Он понимал, что решиться на такие поступки всегда трудно (а в те годы было трудно вдвойне). Конечно, это должны были быть поступки ради дела, ради науки, ради истины и справедливости. Кстати, В.В. не нравились подхалимы. Он любил людей, чье отношение к авторитетам выражалось в почтительном уважении и человеческом достоинстве. Вместе с тем В.В., прямо скажем, не любил тех, кто мог поднять скандал из-за мелких амбиций и посвящал целые годы сведению счетов или мести. "Лучше бы они работали", — говорил он.

Владимир Васильевич понимал, что любой научный организм — институт или лаборатория — не может нормально функционировать без высокого уровня нравственности. Вот почему около него нельзя было делать недостойных поступков — это сразу же вызывало осуждение.

Владимир Васильевич был исключительно мудрым воспитателем в науке. Он умел привлечь в ГИН перспективного студента или специалиста, подметить в нем сильную сторону, дать возможность раскрыться. И какие прекрасные ученые (если говорить о стратиграфах) работали и совершенствовались рядом с В.В.: В.А.Вахрамеев, С.Н.Наумова, Е.Д.Заклинская, М.Н.Чугаева и Х.С.Розман, Н.М.Михайлов и М.А.Пергамент, С.В.Мейен и И.Н.Крылов; среди ныне здравствующих — Б.М.Келлер, Д.М.Раузер-Черноусова, Е.А.Рейтлингер и многие-многие другие.

В течение ряда лет именно они составляли научное лицо ГИНа в стратиграфии и именно они вносили и вносят заметный вклад в нашу науку. А если вспомнить его учеников, работающих во многих областях России и бывших республиках СССР, то без всякой натяжки можно сказать, что его общее влияние на стратиграфические исследования было огромно и можно говорить не только о гиновской, но и о российской стратиграфической школе — школе В.В.Меннера. И в этой школе, кстати, сам В.В. не только учил, но и заинтересованно учился (далеко не все учителя обладают такой мудростью).

И что интересно: В.В. всегда стремился иметь в своей школе и генераторов идей, и критиков, и эрудитов, и активных работников. В этом разнообразии была и есть сила этой школы. При этом мы все

отлично сознавали, что в отличие от многих В.В. обладал стратегическим подходом в стратиграфии. Не случайно, что не только у нас, но и за границей он в этом отношении пользовался особым авторитетом.

Владимир Васильевич понимал, что будущее ГИНа — в молодых. Поэтому он готовил молодежь не только в научном, но и в организационном отношении. Сначала он давал молодым сотрудникам небольшие поручения, присматривался, а затем начинал выдвигать их, прежде всего способных, на различные должности. Нынешние заведующие лабораториями и руководители проектов — фактически все его воспитанники. Кстати, при выборах в последний при его жизни Ученый совет института именно он активно предлагал в его члены проявившую себя молодежь и даже готов был пожертвовать своим местом в нем.

Одновременно В.В. был требователен к молодежи. Он мог быть добрым, но только не за счет снижения уровня научной работы молодого коллеги. Каждый гиновец знал, что в этом отношении В.В. особенно принципиален, поэтому марка диссертаций и публикаций ГИНа всегда была чрезвычайно высокой.

Меньше всего хочется, чтобы в глазах тех, кто не знал В.В., он был представлен в лакированном виде. Как и всякий человек, В.В. имел определенные недостатки. Он, например, мог быть упрямым — в оценке людей, интерпретации фактов, трактовке геологических данных и пр. Но все это тонуло в океане его добрых человеческих черт. Кстати, каким бы он ни был упрямым, ему всегда можно было доказать возможность другого подхода или другой оценки (если, конечно, были доказательства). Не всегда сразу, но можно. Он ценил убежденность в людях, если и не менял своей позиции, то с пониманием старался отнестись к другой точке зрения. Так, В.В. мог горячо доказывать, что проведение полевых работ в таком-то районе, с его точки зрения, нецелесообразно. Но после двух-трех обсуждений он делался вашим сторонником и говорил: "Ну хорошо, езжайте, а осенью посмотрим". Свой авторитет и власть В.В. не употреблял во вред ученому. И в этом тоже сказывалась его мудрость.

Владимир Васильевич представляется мне Человеком с большой буквы. В нем органически сочетались интеллигентность, профессионализм и лучшие человеческие качества. Наверное, я не преувеличу, если скажу, что он оставил в нашей памяти после себя поле нежности и уважения, знак чистоты и порядочности. И, как сказал поэт: "Об ушедших не говори с тоской — их нет, но с благодарностью — были". Наверное, такие ученые, как Владимир Васильевич, принадлежали к особому ордену великих личностей, которые сочетают талант, порядочность и трудолюбие.

Одним из самых лучших памятников Владимиру Васильевичу является издание его "Избранных трудов", которые говорят о нем как об ученом и человеке, возможно, больше, чем наши воспоминания.

Чтобы еще раз напомнить о нашем добром отношении к В.В. и показать его как человека, любящего улыбку и юмор, сделаю одно добавление и приведу один старый текст.

У нас в ГИНе существовала хорошая традиция — в крупные юбилейные даты В.В. организовывать капустники. Такие капустники шли от души, тексты сочинялись с добрым юмором, и хотя В.В. категорически не любил свои юбилеи, мы убеждали его в необходимости таких нужных, может быть не столько для него, сколько для нас, мероприятий. Наверное, тексты были разные — удачные и не очень, но все они были душевными и спроецированными специально на В.В. (многим другим уважаемым ученым такие несколько вольные тексты "не подошли бы"). У меня, к сожалению, они не сохранились. Остался только один из тех, что оглашались в ноябре 1980 г., в день 75-летия В.В. Текст несколько специфический: он посвящен дискуссии о границе неогена и квартера, в которой В.В. принимал тогда самое горячее участие. Может быть, этот текст хоть в какой-то мере передаст атмосферу таких праздников. Итак, юбилейный "спортивный" репортаж (под Н.Н.Озерова).

Внимание! Внимание! Сегодня 27 ноября 1980 г. Говорит и показывает кайнозой. Говорит и показывает кайнозойская экосистема!

Сейчас начнется один из решающих матчей сезона по программе "сбивания" геологических границ. На поле встречаются В.В. Меннер и четвертичники во главе с К.В. Никифоровой. В.В. Меннер сегодня — в желтых неогеновых трусах, никифоровцы — в серых голоценовых пачках.

До начала матча несколько минут, и мы даем предварительные справки. В кайнозое сейчас тепло, умеренно сыро, временами (во время оледенения) гололед. Что там скрывать, жизнь в палеозое и мезозое в общем-то была "не очень": недаром цвета палеозоя — коричневый и серый, а мезозоя — синий и зеленый. Ну, подумайте, можно ли сказать что-нибудь хорошее о жизни, если она "зеленая"? Поэтому не удивительно, что к концу мезозоя вымерли даже такие здоровяки, как динозавры. А вот кайнозой избрал для себя три элегантных цвета: для палеогена — цвет сочного апельсина, для неогена — недозрелого лимона и для квартера — задумчиво дымчатый цвет нерешенных проблем.

Кто постарше, тот помнит, что за 70 млн лет в кайнозое много воды утекло. Атмосфера наполнилась пылью покрытосеменных. В океанах заплескались киты. Махровым, как говорится, цветом расцвели млекопитающие: расплодившись во множестве, хищники научились есть копытных, те стали быстро бегать, слоны отрастили хоботы, обезьяны стали трудиться. И здесь мы подходим к самому главному, что резко отличает кайнозой от разных там палеозоев и мезозоев, примечательных только несъедобными панцирными рыбами, твердой

каменноугольной древесиной и тучными диплодоками — именно в кайнозойе родился Владимир Васильевич! Прошли годы. В.В.Меннер вырос, возмужал, отрастил бороду, стал профессором и очень скоро возглавил кайнозойскую команду на многих союзных и международных соревнованиях...

За последние годы на этом поприще он провел 2150 совещаний, организовал 830 экскурсий, нарисовал 437 схем, произнес 8885 речей. Он посетил Черное и Средиземное моря, Камчатку и Японию, Канаду и Австралию.

Одновременно он научил играть в стратиграфию многих учеников. Некоторые из них, потоптавшись на берегах полузамкнутых бассейнов, вырвались на океанические просторы, где стали играть, как говорится "по-крупному", в азартные игры, получившие название "корреляция". Эту команду вы легко можете узнать по шикарным словечкам: "зона" и "горизонт", "эпиболь" и, извините, "гомотаксальность".

Однако простите: на поле появляются команды и матч начинается. Сегодняшний результат имеет большое значение, выигравший отхватывает себе значительный кусок стратиграфической колонки. Четвертичники стараются урвать кусок неогена в 1 млн лет, ибо 0,7 млн лет им мало. В.В.Меннер же считает, что 0,7 — это для них даже много.

Смотрите: вот В.В.Меннер атакует термин "антропоген" и недвусмысленно напоминает, что четвертичные отложения являются всегонавсего "наносами". Грубо, В.В.! Штрафной! Его четко реализует Ксения Владимировна. Она срочно созывает Международный коллоквиум в Молдавии и Грузии, и на территории винодельческих совхозов, т.е. в довольно трудной обстановке, там опускают неоген-четвертичную границу до 1,8 млн лет.

Но Меннер спокоен: "Все равно это "дилювий", — говорит он и отводит в своей очередной схеме для четвертичной системы только маленькую часть очень маленькой кайнозойской зоны.

Но что это? Четвертичники наступают. Сначала Геологический конгресс в Канаде принял рекомендации упомянутого коллоквиума, а затем Ксения Владимировна все решительнее стала спускать границу до 3 млн лет и более, заявив, что уже "тогда" появился человек! Да, это серьезная заявка на победу.

Какая размашистая игра — был довесок в 0,7 млн лет, стал кусок в 1,8, а может стать кусище в 5 раз больше! Игра стоит свеч!

Чем же ответит Меннер? Кажется он находит контригру. Вот он ехидно спрашивает: "А разве можно считать человеком существо, когда не доказано, что у него была борода?" Вот это удар! Это, конечно, домашняя заготовка.

Ну кажется, можно перевести дыхание. Первый тайм кончился. Перерыв.

Кстати, нам только что поступило сообщение: пока проходил первый тайм, палеогенщики "увели" датский ярус из мезозоя. Операция

проходила с участием Е.Д.Заклинской и В.А.Крашенинникова. Хороший подарок кайнозою в юбилейном году, товарищи!

Но вот снова команды на поле. Матч продолжается.

Ах, какая хорошая подача В.В.Меннера: он выводит Л.А.Невескую на Средиземноморский конгресс и это сильно бьет по, казалось бы, незабываемым схемам Понто-Каспия: апшерон из плиоцена отлетает к эоплейстоцену, сармат падает куда-то вниз. Б.П.Жижченко вздрагивает и апеллирует к судьям: напрасно, Б.П.! — это всего лишь игра по корпусу.

Но что это? Ай-яй-яй! Один из игроков четвертичной команды — П.В.Федоров забивает гол в ворота собственной лаборатории, подняв границу квартера под бакинские слои. Тренеры лаборатории, конечно, сделают соответствующие выводы, а Вам, П.В., надо все-таки серьезнее готовиться к соревнованиям и соблюдать спортивный режим.

К нашему микрофону подошел известный неогеновый специалист-совместитель М.В.Муратов. Пожалуйста, М.В.: "Как нам стало известно, В.В.Меннер готовится нанести новый, так называемый "крученный", удар: на днях он отправил совершенно свежую статью о минимальном объеме квартера на совещание в Минск. Так что нейтрализовать этого таранного типа бомбардира никому не удастся".

Матч между тем продолжается. Болельщики волнуются. Какой накал! Игра нравится. Какие исполнители, какие мастера. Все в едином порыве встают и аплодируют.

Давайте и мы сейчас встанем и поаплодируем нашему дорогому Владимиру Васильевичу — главному форварду стратиграфической команды страны!

Доброе отношение отразилось и в нашем обращении к Владимиру Васильевичу в связи с его 80-летием:

"В нашей суетной и быстротекущей жизни порой бывают минуты, когда хочется остановиться и спокойно, без спешки сказать самое важное другому человеку. Сегодня — как раз такая минута. И нам хочется сказать действительно важное: мы, сотрудники Геологического института, Вас любим и глубоко, искренне уважаем.

Нам повезло, что в течение многих лет мы работаем рядом с Вами. Мы уже давно привыкли к тому, что всегда можно прийти к Вам — посоветоваться или спросить о чем-то, а Вы — всегда выслушаете, поймете, объясните, ободрите, раскритикуете, оцените, научите, направите. Ваше постоянно теплое отношение ко всем нам давно стало нормой нашей жизни, отражая, и может быть, и определяя ту знаменитую геновскую атмосферу, которой мы все так гордимся.

Не будет преувеличением сказать, что мы считаем за большую честь быть в числе Ваших учеников и каждый из нас — будь то стра-

тиграф, литолог или тектонист, по мере своих сил стремится учиться у Вас — как у ученого и человека.

В чем же истоки нашей любви и уважения к Вам? — Говорят, что учитель это не тот, кто учит, а тот, у кого учишься. Эти слова вспоминаются потому, что Вы нас воспитываете не поучениями, а примером, не дидактикой, а делом.

Мы любим Вас, потому что Вы оптимист в науке; отсюда Ваша горячая увлеченность делом, громадный интерес к новому и Ваша сказочная неутомимость — мощный генератор научной энергии в окружающей Вас среде. Ваши темпераментные выступления — лекции, доклады, отзывы, вопросы и замечания превращают в событие каждое заседание с Вашим участием. Мы учимся у Вас мудрости (хотя это и очень трудно): умению видеть общее в частном и понимаю того, что создавать фундаментальное в науке можно только трудом.

Вы на практике доказываете, что ученый способствует развитию науки не только собственными открытиями, но и открытиями, к которым он побуждает других. И здесь нельзя не вспомнить о той щедрости, с какой Вы всегда делитесь с нами своими мыслями и идеями. Вы умеете создавать атмосферу наибольшего благоприятствования для работы. Вы находите такие ее формы, когда любимый Вами коллективный дух исследования позволяет поддерживать высокий уровень каждого отдельного сотрудника. Вы как бы варите нас в большом стратиграфическом котле, но так, чтобы мы не "вываривались" в этом питательном бульоне до обесцвечивания, а сохраняли свою индивидуальность, все время набирались ума...

Мы любим Вас даже за ту (подчас беспощадную) критику, которой Вы подвергаете наши порой заслуживающие того деяния — нам бывает, конечно, обидно, но в результате ее наши работы становятся лучше, а мы — хотелось бы надеяться — умнее.

Мы благодарны Вам за то, что Вы считаете нормой свободу высказываний в научных дискуссиях и постоянно поддерживаете ее в нашей жизни. При этом Вы сами подаете пример того, что научных побед надо добиваться не ценой чьего-то поражения, а совместным приближением к истине.

Ваша деятельность отражает мудрость человеческих отношений. Вы относитесь с благодарностью к учителям, с уважением — к соратникам и с заботой — к ученикам. Это ли не пример того, как надо нести эстафету добра и заботы.

Многие из нас обращаются к Вам не только с научными вопросами, но и с какой-нибудь бытовой проблемой, приходят с нечаянно объявившейся радостью или со свалившимся на голову несчастьем. И мы всегда знаем, что встретим у Вас участие и помощь, на которую Вы всегда так щедры.

Мы благодарны Вам и за то, что ни один Ваш шаг по лестнице степеней, званий и должностей никогда не удалял Вас от нас. Вы

наглядно показываете, что в руководителе и ученом могут и должны сочетаться и специалист, и интеллигент, и хороший человек.

Мы помним также, что Вы являетесь патриотом нашей отечественной Геологии и ГИНа. С каким вдохновением Вы всегда рассказываете за рубежом о достижениях наших ученых! Как заботитесь Вы о гиновском научном престиже!..

Любящие Вас ГИНовцы."

А.И.Жамойда
ВСЕГЕИ

ЧЕЛОВЕК, ПРИНОСЯЩИЙ РАДОСТЬ

В одной книге воспоминаний я прочел такую характеристику: "Он был украшением жизни для каждого, кто встречал его на своем пути".

Эти слова в полной мере можно отнести к Владимиру Васильевичу Меннеру. Для меня, да и для всех, общение с ним было радостью. Что в таком восприятии играло главную роль: его талантливость или энциклопедические знания, оптимизм или обаяние, естественность поведения или доброжелательность — трудно сказать. Скорее всего, все это вместе и еще что-то.

Я не имел счастья быть студентом, аспирантом или штатным сотрудником В.В.Меннера, но за 30 лет знакомства и общения мы близко сошлись и, как мне кажется, понимали друг друга.

Владимир Васильевич — прежде всего талантливый человек, исследователь, к тому же обладавший удивительной памятью. Он не меньше сделал бы в любой отрасли науки, но повезло геологии, стратиграфии, палеонтологии. Результаты его исследований, его труды хорошо известны и по справедливости высоко оценены. В научном плане привлекали его обширнейшая эрудиция, умение видеть различные грани объекта исследования и мгновенно схватывать суть вопроса. Редко кто мог так успешно выполнять известный завет Козьмы Прутова: "Смотри в корень!" Эти качества проявлялись и на многолюдных совещаниях, которыми он часто руководил, и в личных беседах.

Идет, например, заседание Межведомственного стратиграфического комитета (МСК), обсуждается вопрос, который не находит завершения. В какой-то момент у В.В.Меннера начинают поблескивать глаза, и, чуть прищурившись, с хитринкой во взгляде, он выступает, обнаружив возможность нового подхода к решению. В эти минуты он даже как-то молодеет.

Конечно, Владимир Васильевич был человеком увлекающимся. Увлечения эти проявлялись вроде бы неожиданно, но всегда имели определенную почву и предысторию, нередко возникали от требова-

ний геологической практики. Можно привести несколько таких примеров: стратиграфия древних толщ, палинологический метод, зональная стратиграфия, в последние годы — детализация общей стратиграфической шкалы. Каждое из перечисленных исследований, зародившись при изучении какого-либо частного вопроса, развивалось в целом научное направление или в определенную концепцию. Так, увлечение палинологическим методом привело к обоснованию возможности корреляции морских, лагунных и континентальных отложений, стало основой всего последующего прогресса корреляционного аспекта стратиграфии.

Увлекался Владимир Васильевич и людьми, которые ему импонировали. Отзывался о них и их трудах в самых превосходных эпитетах. Любимым словечком было "блестящий".

В то же время во Владимире Васильевиче сидел какой-то чертик противоречия. Он органически не мог обойтись без замечания, без критики хотя бы отдельных положений статьи, книги, доклада и тем более диссертации. Всегда находил слабые места и недостатки в аргументации выводов.

Память его была профессиональной. Он мог забыть чье-то отчество, какие-то бытовые подробности, но прекрасно помнил неисчислимое количество палеонтологических объектов, содержание и годы публикаций массы научных работ, знал и помнил очень многих зарубежных ученых, не говоря уже о соотечественниках. Во время нашего посещения Палеонтологического музея в Париже в 1971 г., в котором он был впервые, В.В. безошибочно сообщал названия и местонахождения практически всех замечательных экспонатов из Африки, Южной Америки и других районов Земли, где он тоже никогда не бывал.

А как он знал Москву с ее сохранившимися и утраченными достопримечательностями!

Высокое чувство ответственности отличало В.В. Меннера, что проявлялось и в большом, и в малом. Он считал своим долгом быть на всех пленумах МСК, на всех годовых собраниях Всесоюзного палеонтологического общества (ВПО), на заседаниях, посвященных памяти ученых, и других совещаниях. Если В.В. не мог участвовать во всем мероприятии, то всегда советовался, на какой день или дни лучше приехать. Бывало, приедет в Ленинград на собрание ВПО и в тот же день уезжает в Москву: надо обязательно быть на защите, надо поддержать такого-то. "Надо" было для него святым словом.

Никогда Владимир Васильевич не думал о своем благополучии, о своем здоровье, не жалел своего времени и сил. Он всегда был в гуще дел, заботился о решении важных вопросов, переживал неудачи и очень возмущался безразличием или халатностью. В таких случаях В.В. сядет, опустит руки, глубоко вздохнет и, чуть склонив голову, скажет: "Провалили мы это дело". Заметьте — "мы", хотя провалил вовсе и не он.

Вообще же все сложности и даже трагедии жизни переживал в себе.

Приходилось наблюдать, как Владимир Васильевич не успевал потратить в зарубежных поездках даже те малые деньги, которые оставались от проживания — не было времени, так как он работал сразу в нескольких, наиболее ответственных комиссиях или советах: в Международном союзе геологических наук, Международной комиссии по стратиграфии и ее подкомиссиях, Международной программе геологической корреляции, оргкомитетах конгрессов и т.д. Вечером В.В. приходил в номер (мы чаще ужинали вместе) и подробно сообщал все важнейшее, что было на его "фронте". Я не менее подробно информировал В.В. о своих делах. Затем намечали программу на завтра, в том числе линию поведения при решении сложных вопросов.

В различных деликатных научных и организационных ситуациях он был незаменим. Если решено защищать какую-то позицию, то В.В. прикидывал, кто будет "за" и кто "против". Затем шли неофициальные беседы вечером, на ленче, по дороге в гостиницу. Наконец, когда необходимое мнение было подготовлено, вопрос выносился на обсуждение и положительное решение, как правило, было обеспечено.

Сложность здесь в том, что западные геологи общаются между собой постоянно, а наши ученые с ними эпизодически. И все-таки Владимир Васильевич сумел, например, превратить Международную комиссию по стратиграфии в стройную систему подкомиссий и рабочих групп — по подобию МСК. Это было очень непросто, поскольку даже ему, когда он был президентом комиссии, не удалось собрать хотя бы один ее пленум в СССР.

Популярности и деятельности В.В. Меннера за рубежом очень способствовало его знание языков. Французский В.В. знал с детства, английским он овладел в последние десятилетия. В.В. рассказывал, что на конгресс в Токио он отправился с англичанином (или американцем) транссибирским экспрессом — и освоил английский. Конечно, и до этой поездки английский был ему не чужд, но здесь удалось преодолеть некий разговорный барьер, после чего он изъяснялся свободно. Произношение его было далеким от совершенства, но все его прекрасно понимали, в том числе англичане, а он понимал всех.

Безотказность Владимира Васильевича была удивительна, тем более и просить его ни о чем не требовалось. Достаточно было сообщить о какой-либо сложной или вовсе несложной ситуации, и он сам обязательно предложит помощь.

В конце 70-х годов ВПО переходило под эгиду Академии наук СССР. Следовало обновить и утвердить его устав. Не знаю, сколько бы месяцев пришлось плутать по закоулкам Нескучного дворца, если бы не академик В.В. Меннер. Я был сопровождающим и "справочным пособием", а все переговоры и дискуссии вел он. Убеждал, спорил, сопоставлял с другими уставами, почти неделю потратил на это и довел устав до утверждения.

Еще два примера.

По программе 27-й сессии Международного геологического конгресса в Москве получилось так, что между моим докладом на пленуме Комиссии по геологической карте мира в Международном торговом центре и вступительным словом на открытии заседаний секции "Стратиграфия" в Московском университете оставалось не более часа. Достаточно было поделиться с Владимиром Васильевичем этим затруднением, как он тотчас решил подвезти меня на своей машине, хотя своих дел было сверх достаточно. Я еще заканчивал доклад на Комиссии, а он уже появился в дверях и кивал головой: мол, пора!

Прилетел я как-то вместе с В.В. из Франции в Москву. Еще в Париже я заказал авиабилет на Ленинград, который и получил в соседнем корпусе (современный аэропорт еще строился). Сажу на скамейке и жду объявления посадки. Вдруг подъезжает на машине Владимир Васильевич и вручает десять рублей. Оказывается, уже отъехав от аэропорта, он вспомнил, что в самолете я сомневался, хватит ли у меня денег, чтобы выкупить билет. И он, конечно, тотчас вернулся.

С заседаний В.В. никогда не уезжал один — всегда спросит, кому куда надо ехать, и завезет, даже если вовсе не по дороге.

Будучи заместителем директора Геологического института академик В.В. Меннер постоянно ездил встречать иностранцев и устраивал их в гостиницах.

— Неужели в институте нет сотрудников, которые способны все устроить? — спрашивал я его.

— Есть, конечно, но вдруг что-нибудь не так. А если я поеду, то добьюсь, что все будет в порядке.

Да разве только гостиницы! Помню, как на международной экскурсии по Кавказу он все пытался принять участие в разгрузке личных чемоданов экскурсантов. Прямо оттащить его приходилось.

Привлекало в В.В. Меннере такое нечастое качество, как умение слушать собеседника. Великое множество знакомых и вовсе незнакомых обращалось к нему с самыми разными вопросами, на которые он, как правило, всегда отвечал. Однажды в перерыве между заседаниями годичной сессии ВПО подошла к нему дама и засыпала вопросами. Он покорно и обстоятельно отвечал. Напоминаю, что опоздаем на обед, а дама не отпускает. Наконец, академик улыбнулся, пожал даме руку, сказал любезные слова и мы отправились обедать.

— Кто такая?

— Понятия не имею, первый раз вижу, — отвечал он.

А прочел целую мини-лекцию.

Высокие должности и звания, конечно, не всех портят, но что-то в человеке меняется. Даже у себя замечал — иногда начинаешь видеть окружающее в каком-то ином ракурсе, чем прежде. С Владимиром Васильевичем я познакомился, когда он был еще кандидатом, потом

довольно поздно защитил докторскую диссертацию (все не было времени!) и вскоре был избран академиком. Вот уж действительно у кого при этом ничего не менялось в отношении к другим, да и к самому себе! По-моему, и называл он себя академиком, только когда заказывал по телефону машину.

Он всегда был самым собой. Качество это редчайшее.

Осталась у него навсегда доброжелательность к людям, искреннее желание всем помочь. Остался вечно переполненный, всегда его сопровождавший большой портфель, в котором ничего не пропадало, но найти нужное было очень трудно.

Осталось высокое уважение к своим уже ушедшим учителям.

Осталась, при всей покладистости характера, настоящая принципиальность, как говорят, "невзирая на лица". Вспоминаю Коллегию Министерства геологии СССР в 1970 г., на которой рассматривались результаты проверки ВСЕГЕИ. После доклада директора А.Д.Щеглова, не раз прерываемого репликами отрицательно настроенного министра, академика А.В.Сидоренко, выступил председатель проверочной комиссии академик В.В.Меннер с объективной и в целом положительной оценкой работы института. Все стали свидетелями замечательного зрелища — публичной дискуссии двух академиков. Принципиальность и аргументированность выводов председателя комиссии победили.

Остался академик В.В.Меннер тем же любознательным человеком, проявляющим неподдельный интерес ко всему новому вообще и новому для него. В Сиднее мы посетили замечательный зоопарк. Катер перевез экскурсантов через залив, автобус завез на гору, спускаясь с которой к пристани, мы познакомились со всеми полуфантастическими обитателями животного мира Австралии. Владимир Васильевич не пропустил ни одной клетки, ни одного загона. Долго наблюдал ужасно противного ящера с Комодских островов (ведь почти мезозойская рептилия!), утконоса и симпатичнейших древесных мишек-коал.

А в предпоследний год его жизни меня удивила фраза о газетах. Прочтя что-то интересное, я спросил Владимира Васильевича, читал ли он. И вдруг услышал совершенно серьезный ответ: "Александр Иванович, я уже вышел из того возраста, когда читают газеты". Зато телепередачу "Время" смотрел регулярно. Вероятно, жалел столь быстрого уходящего времени.

Не могу не вспомнить с благодарностью согласие В.В.Меннера быть моим оппонентом на защите докторской диссертации. Мне повезло — зиму 1968/69 гг. он часто бывал в Ленинграде, подыскивая достойного нового директора Библиотеки Академии наук СССР. Именно поэтому еще к предварительной защите был написан и под его диктовку мною переписан (всем известен почерк Владимира Васильевича) краткий отзыв о работе. На той же большой безалаберной квартире так называемого "Дома для приезжающих ученых" на ул.Халту-

рина с рокоchущим холодильником и обитой старым бархатом мебелью был написан и окончательный отзыв. Но перед этим оппонент имел беседу в Зоологическом институте с профессором А.А.Стрелковым и кое-какие замечания включил в отзыв по его совету. Буквально перед защитой В.В.Меннер должен был уехать в Москву и прилетел уже в день защиты. За полчаса до начала заседания Ученого совета ВСЕГЕИ (это был последний совет, который вел директор института Е.Т.Шаталов) раздался телефонный звонок из аэропорта Пулково: "Я в Ленинграде, можно начинать защиту". Приехал оппонент к концу моего доклада, но тогда такое не считалось криминалом.

Отзыв на диссертацию, имея хорошие начало и конец, был буквально переполнен перечислением недостатков работы, причем, по мнению оппонента, существенными, которые снижали ее ценность. Другими словами, это был отзыв именно оппонента, а не адвоката, что чаще всего мы слышим на защитах. Большинство замечаний Владимира Васильевича были справедливы. С некоторыми я не мог согласиться. Одно из замечаний имело продолжение на банкете. Оппонент посчитал, что Тихоокеанского пояса маловато для докторской — надо было прихватить и Средиземноморский. Здесь сказался академический стиль, который "требует" глобальности. Мой друг, Владимир Васильевич Соловьев, отреагировал на это очень точной частушкой, которая понравилась моему дорогому оппоненту:

"К чему сводится главный упрек оппонента?"

*В Ленинград весна идет,
Греет солнце в спину.
Третью планеты описал,
А надо б — половину!"*

Остановлюсь на двух совместных поездках во Францию.

В октябре 1971 г. в ЮНЕСКО решался вопрос об учреждении и статусе Международной программы геологической корреляции. Нашу делегацию возглавляли заместитель министра геологии В.А.Ярмолюк и академик В.В.Меннер. Мы втроем, впервые попавшие в Париж (В.В. ранее был только проездом), жили в одной уютной гостинице "Королевский фонарь" на авеню Мот Пике, вблизи Марсова поля. Решили по возможности познакомиться с городом. Каждый вечер я с помощью путеводителя намечал на карте маршрут и запоминал его достопримечательности. В следующий вечер "вел" экскурсию, а Владимир Васильевич что-либо добавлял из своих обширных и разнообразных знаний. Вообще же к моим объяснениям относился очень серьезно, впитывал все неизвестное для него. По дороге иногда лакомились, по его предложению, жареными каштанами.

Поскольку наши маршруты чаще всего начинались от площади Согласия, то на плане города они образовали что-то вроде лепестка цветка, протяженность каждого была 6–8 км. За длительностью мар-

шрутов следил В.А.Ярмолюк с помощью шагомера. Ужинали в номере В.В.Меннера обычно с молоком, так как при пользовании кипятильником выключался свет.

В воскресенье побывали в Версале, посетили пересыщенные роскошью дворцы, обошли весь парк — от парадных аллей до самых укромных уголков. Мои старшие друзья были неутомимы, и в тот же день нам удалось пробежать по Музею современного искусства и посетить одну авангардную выставку на Трокадеро. В.А.Ярмолюк возмущался ее безобразием, а академик отнесся как-то спокойно, обдумывая увиденное про себя, ища, как всегда, хоть какой-то смысл в этом "искусстве".

Очень насыщенными были два последних дня, в особенности для В.В.Меннера (В.А.Ярмолюк уехал раньше). На закрытии конференции Владимир Васильевич выступил с двумя важными предложениями. Первое — о выборности (!) Совета МПГК — не прошло, зато второе — о недопустимости введения в Совет руководителей проектов — было принято. В тот же день мы с ним познакомились с лабораториями профессоров П.Мобежа, Юпе и М.Нейман в Сорбоне. Юпе предложил расписаться в "Золотой книге". Весь вечер сверяли английский, французский и русский тексты решения конференции и корректировали последний. Я кратко описал этот день Владимира Васильевича как пример его постоянной занятости во всех заграничных поездках. В том году повезло — оставался еще один день, который мы посвятили осмотру Лувра (при прошлом посещении В.В. почему-то не нашел Венеру Милосскую) и покупкам.

Мне кажется, что посещение художественных музеев было для В.В.Меннера прежде всего работой ума. Очень серьезно он рассматривал картины, скульптуры, иногда делал короткие реплики — о художнике, о содержании картины. Я не слышал плохих оценок. Может быть, потому, что останавливался он, как правило, около шедевров или, во всяком случае, значительных произведений искусства. Нестоящие вещи он просто не замечал или, взглянув, проходил мимо с легкой усмешкой. Мне кажется, ему было неловко за этих художников.

Самой забавной в тот день была покупка духов. Миловидная средних лет хозяйка магазинчика демонстрировала ароматы разных духов на своих руках, начиная от запястья до локтя, а академик (с полной серьезностью) и я вдыхали и говорили, что это не совсем то, что хотелось бы. Дальше локтя вдыхать мы не решились и купили по флакончику. Духи оказались отличными.

При отъезде из Парижа Владимир Васильевич показал свою исключительную невозмутимость. Была суббота, и мы ехали до аэропорта Орли (16 км) полтора часа. Моим бурным переживаниям он противопоставил полнейшее спокойствие и оказался прав — "выручил" Л.И.Брежнев, который вылетал в Москву с того же Орли, а нас пере-

правили в аэропорт Бурже. С него, спустя несколько часов, мы благополучно и улетели.

Вторая наша длительная поездка во Францию состоялась в июле 1980 г. во время 26-й сессии Международного геологического конгресса и экскурсии по северу Франции.

Здесь В.В.Меннер сыграл решающую роль на заседании Совета МСГН, где обсуждался вопрос о месте проведения 27-й сессии конгресса. Сложная международная обстановка, конфронтация США с нашей страной, игнорирование крупнейшими странами, в том числе Францией, Олимпийских игр в Москве не могли не сказаться на взаимоотношениях в Совете МСГН, хотя, надо отметить, что геологи, может быть, менее других реагируют на разные международные коллизии. Итак, на Совете МСГН английский и французский представители выступили с предложением отложить решение о месте будущей сессии конгресса, надеясь на всеобщую поддержку или молчаливое согласие. После минутной заминки Владимир Васильевич ринулся в бой. Его вежливая, но страстная речь о нарушении традиции (место следующей сессии всегда объявлялось на Генеральной ассамблее при открытии конгресса), а также отсутствие официальных подтверждений от других стран решили дело в пользу Советского Союза. Интересно, что горячо поддержал В.В.Меннера представитель ЮАР, понимая, очевидно, что иным путем геологи Южной Африки вряд ли сумеют познакомиться с геологией нашей страны. Не менее интересно, что после заседания англичанин извинился перед В.В.Меннером, объяснив свое выступление тем, что он не мог проигнорировать полученные от своего начальства инструкции. Так что знакомой нам практики не чуждалась и парламентская Великобритания.

В геологической экскурсии по теме "Парижский бассейн" В.В.Меннер был наиболее известным среди геологов. Если не считать руководителей экскурсии, он, конечно, обладал наиболее обширными и глубокими знаниями по этому классическому региону. И не раз удивлял замечаниями и разъяснениями при осмотре стратотипов и других обнажений, хотя видел их впервые. Однако и ему пришлось удивиться тому, что стратотип среднего и верхнего турона (у винных погребов Монтмуссона по дороге в Руан) не содержит никакой фауны.

При осмотре выставки в Музее естественной истории Гавра, приуроченной к геологическому конгрессу, Владимир Васильевич обратил внимание на надпись, вмонтированную в экспозицию: "Мы благодарим г-на N, труды которого расширили наши знания по меловым отложениям района, и г-д NN за помощь в подготовке выставки". Владимир Васильевич сказал: "Неплохо бы и нам перенять эту традицию". Он никогда не стеснялся благодарить за самую мелкую услугу.

В.В.Меннер был в этой экскурсии и самым старшим по возрасту, однако в отличие от большинства участников в каждом городе интересовался его достопримечательностями. Так, я, В.В.Меннер и В.С.Сур-

ков обошли центр Дижона с его удивительным по архитектуре собором и дворцом герцогов Бургундских, поразительный городок-островок в долине Луары — Везели, все дворцы Блуа от XII до XVII вв. От этого города, где начала свой победоносный поход Жанна д'Арк (об этом — памятная доска), мы с В.В. проследили ее путь до Руана, побывав и около епископского дворца, где Жанну судили (а через 25 лет реабилитировали), и возле круглой башни, в которой она провела ночь перед казнью. Рано утром я отправился фотографировать готические соборы Руана, В.В. со мной. И все его интересовало, обо всем он имел собственное суждение.

Экскурсия закончилась у поселка Виньи в большом карьере, вскрывающем верхнемеловые и нижнепалеогеновые отложения, четкой и определенной границы между которыми найти так и не удалось. Здесь мне посчастливилось сделать хорошую фотографию В.В. Меннера с руководителями экскурсии профессорами Ш. Померолем и П. Ратом.

Владимир Васильевич очень переживал потерю своих коллег и, конечно, учеников. Тяжело вздыхал, как-то сутулился при этом, говорил об их работах и спрашивал собеседника и себя: кто же может продолжить исследования? Немало было у нас с ним таких печальных разговоров.

О его кончине необыкновенно быстро стало известно за рубежом. Очень многие подходили ко мне во время 28-й сессии МГК в Вашингтоне, выражая свои соболезнования. Это были не официальные слова, а искреннее сочувствие по поводу утраты большого ученого, уважаемого и всеми любимого человека. Всем, и мне в том числе, трудно представить международные мероприятия по стратиграфии без В.В. Меннера. Впрочем, и наши стратиграфические совещания и заседания с уходом Владимира Васильевича что-то потеряли, как-то обеднели. Может быть, наиболее остро и образно выразила свое отношение к кончине Владимира Васильевича его внучка Верочка, на глазах которой все и произошло. "Когда я иду по этой дорожке, — сказала она жене Владимира Васильевича Нине Степановне, — у меня в мозгу все время дедушка".

Так и остался он в памяти и в сердце каждого, кто его знал.

В заключение еще об одной особенности В.В. Меннера, которая играла не последнюю роль в том, что общение с ним приносило радость.

На банкете в честь его 70-летия в ресторане "Прага" в своем тосте я сравнил Владимира Васильевича с многокрасочной картиной, краски которой не забывают одна другую, не мешают одна другой, а наоборот, заставляют картину звучать, создают гармонию, которая радует глаз. За здоровье сколь разностороннего, столь же гармоничного человека и было предложено поднять бокалы.

И сейчас к этому ничего не могу добавить.

Этими строками хочу закончить свои отрывочные воспоминания об очень дорогом моем старшем друге Владимире Васильевиче Меннере.

И.С.Барсков
МГУ

В.В.МЕННЕР И КАФЕДРА ПАЛЕОНТОЛОГИИ МГУ

Владимир Васильевич Меннер пришел на кафедру палеонтологии Московского университета в 1966 г. после кончины Ю.А.Орлова и 22 года руководил коллективом кафедры. Эти заметки отнюдь не описание работы Владимира Васильевича на кафедре, а только лоскутки воспоминаний, связанные с отдельными случаями, с теми впечатлениями, которые остались в памяти.

Коллектив кафедры в основном формировался в начале 50-х годов после переезда МГУ в новое здание на Воробьевых горах. В связи с территориальной разобщенностью или по другим причинам кафедра палеонтологии в МГУ, которой руководил Ю.А.Орлов, и родственная кафедра во МГРИ, где работал В.В.Меннер, не имели тесных учебных и научных контактов. Университетская кафедра более тяготела к "биологической" палеонтологии с ориентацией на Палеонтологический институт, МГРИ же был ближе к Геологическому институту с его традициями развития биостратиграфической направленности в палеонтологических исследованиях.

До прихода на кафедру палеонтологии В.В.Меннер не читал лекций в университетской аудитории, будучи тем не менее хорошо известен не только преподавателям, но и студентам. В начале 50-х годов одна из студенток кафедры палеонтологии защищала рутинную курсовую работу с описанием позднемеловых фораминифер горы Беш-Кош. Среди прочих она описывала вид *Anomalina menneri* Keller. На вопрос комиссии о том, что означает видовое название, она ответила, что вид назван одним из немецких ученых в честь другого известного немецкого ученого, который жил в прошлом веке. Этот курьезный случай, очень рассмешивший присутствующих, сейчас кажется мне весьма показательным. Владимир Васильевич по своей высокой интеллигентности, воспитанию, эрудиции и энциклопедичности знаний действительно напоминал выдающихся ученых-профессоров дореволюционной России.

Этот случай или личные встречи с В.В.Меннером некоторых наших студентов, проходивших практику в ГИНе были тому причиной, но в студенческой среде палеонтологов сложилось мнение, что есть в Москве некто В.В.Меннер, не академик и не профессор, но человек, все знающий "за палеонтологию".

Позже, в 1960 г. В.В.Меннер защищал на геологическом факультете МГУ докторскую диссертацию. Историю ее написания и защиты, вероятно, опишут люди, более знакомые с Владимиром Васильевичем в этот период. Нас же поразила внешняя сторона этого события. В то время не было спецсоветов по защите диссертаций и защиты проходили на ученом совете факультета. Из-за большой популярности В.В.Меннера среди геологов разных специальностей и студентов было ясно, что ни одна из факультетских аудиторий не вместит всех желающих.

Защита проходила в аудитории 02 Главного здания МГУ, предназначенной для всего курсового потока и вмещавшей более 300 человек. Аудитория была практически полна, а само собрание напоминало все-союзное совещание. И снова возникли реминисценции с университетской классикой прошлого века: мы присутствуем на публичной лекции при вступлении в профессорскую должность. Правда, само вступление В.В.Меннера в должность профессора Московского университета состоялось пятью годами позже.

Нужно сказать, что процесс взаимной адаптации Владимира Васильевича и коллектива кафедры не был автоматическим. На кафедре, созданной и воспитанной Ю.А.Орловым, пожалуй, более, чем в других палеонтологических ячейках, работавших в системе геологического образования и геологических организациях страны, сохранилась традиция фундаментального биологического подхода к преподаванию палеонтологии и научным исследованиям в этой области. Идея "биологизации" палеонтологии, берущая свое начало со времен А.П.Павлова, была краеугольным камнем во взглядах А.А.Борисяка, первого заведующего кафедрой, и активно отстаивалась Ю.А.Орловым.

Один из вопросов, который волновал коллектив кафедры: произойдет ли с приходом В.В.Меннера — стратиграфа из ГИНа и МГРИ, организаций геологического профиля, переориентация, смена идеологии в научной и учебной работе кафедры. Эти опасения были развеяны почти сразу же. Владимир Васильевич, будучи учеником М.В.Павловой, впервые организовавшей на геологическом факультете чтение фундаментальных геологических дисциплин, оставался идеологическим сторонником А.А.Борисяка и Ю.А.Орлова.

Обладая большим педагогическим опытом, Владимир Васильевич понимал, что единственным путем развития учебных курсов является их постепенная трансформация, постоянное пополнение новыми научными достижениями. Сам он показывал в этом поразительный пример. На протяжении 20 лет Владимир Васильевич читал курс биостратиграфии. По-существу это был курс современных проблем биостратиграфии с экскурсами в историю и с обсуждением самых острых вопросов, возникавших в работе многочисленных международных организаций. Каждый цикл лекций последующего года был не похож на предыдущий. Все происходившие изменения вносились им в огромные

таблицы, которые развешивались перед слушателями. Эти таблицы, нарисованные на миллиметровке, являли собой удивительное зрелище. Каждый год они дополнялись вклейками в соответствии с последними данными и напоминали лоскутное одеяло. Владимир Васильевич относился к ним очень ревниво. Он категорически отказывался отдать перечертить их в картбюро, ссылаясь на то, что именно на этой неделе они ему будут очень нужны, и торопливо сворачивал их в пухлый рулон или засовывал в сложенном виде в свой знаменитый портфель. За все 20 лет мне удалось уговорить его отдать перечертить только одну совсем уже ветхую таблицу.

Первые мои личные контакты с Владимиром Васильевичем произошли на заседаниях палеонтологической секции МОИП, куда меня, студента 4-го курса, вытащил В.Н.Шиманский. В.В.Меннер был председателем секции и активно участвовал во всех заседаниях. В конце 50-х — начале 60-х годов заседания секции были достаточно многолюдными. Мне понравились обстановка на заседаниях, доброжелательность обсуждения, позже понравилось и самому выступать. Это было время своеобразного ренессанса в палеонтологии, время большого интереса к палеонтологии прежде всего в среде самих палеонтологов, с удовольствием делившихся своими исследованиями.

В эти годы шла активная работа над "Основами палеонтологии", в которую была вовлечена и которой была увлечена большая часть палеонтологов нашей страны, специалистов по разным группам. Наша наука получила большое пополнение в виде выпускников университетов и вузов, специализировавшихся по палеонтологии, количество которых было рекордным за все время существования отечественной палеонтологии. Это, ныне среднее по возрасту, поколение внесло существенный вклад в науку, его наиболее выдающимся представителем был С.В.Мейен. В том, что это поколение состоялось, огромную роль сыграли учителя: Ю.А.Орлов и В.В.Друщиц — в Москве, И.А.Коробков — в Ленинграде, В.Г.Камышева-Елпатьевская — в Саратове и другие и, конечно, В.В.Меннер.

При этом В.В.Меннер играл роль своего рода "пробного камня", на котором проверялось "качество" молодых специалистов. Мне кажется, что опробование на "зубок" В.В.Меннера прошли все ныне уважаемые представители того поколения "шестидесятников", да и многие из последующих поколений. Если вы делились своим выступлением на заседании в МОИПе, то первым вопросом было: "А Меннер был?" Выступление в присутствии В.В.Меннера считалось престижным. Это означало, что тебя обсудили на высшем уровне.

Реакция Владимира Васильевича на высказываемые новые идеи была весьма характерной. Чаще всего он с хитрой доброжелательной улыбкой отрицательно покачивал головой, как бы говоря: "Ой-ой-ой, ну уж нет, батенька вы мой" (то, что обычно в словесной форме высказывалось при личной беседе).

Очень часто первая реакция Владимира Васильевича на всякого рода новые идеи была внешне недоверчивой и колебалась часто на грани отрицания. Причем, высказывалось это очень доброжелательно, аргументированно и как бы шутя. Это было некоторое поддразнивание. Не разгромное отрицание, а подсказывающий совет: "Ну-ка, докажи еще". Я не припомню ни одного случая, когда критика Владимира Васильевича, которая бывала и очень резкой, а иногда и не совсем справедливой, вызывала бы обиду, желание бросить работу. Наоборот, она стимулировала, заставляя еще раз подумать. И уже вошло в разговорку, что после любого самого разгромного обсуждения, в конце его Владимир Васильевич провозглашал: "Мы прослушали чрезвычайно интересный доклад...".

Любой новый материал, любая по-настоящему интересная идея, несмотря на первоначальное, может быть, критическое отношение к ним, находили свое место в кладовых уникальной памяти Владимира Васильевича, и в любой подходящий момент они извлекались оттуда, но уже не в качестве "нет", а в качестве "да": "Ведь Вы еще тогда говорили, что это так".

Доброжелательность, готовность поддержать и помочь и в большом, и в малом было каким-то подсознательным свойством его натуры, проявлявшимся часто до того, как возникала просьба о помощи. Когда сотрудники кафедры поделились с В.В. сложностями, возникшими при переводе рукописи по меловой части, которая должна была войти в "Стратиграфию мира", Владимир Васильевич забрал рукопись, сказав, что в институте деньги есть и он оформит договор с переводчицей. Очень быстро перевод был сделан, но, по мнению переводчицы, Владимир Васильевич заплатил ей из своего кармана, так как никакого договора она не подписывала. Когда наши сотрудники уличили его в этом, Владимир Васильевич сказал: "Ну откуда у вас деньги, но раз вы такие упрямые, когда накопите, тогда и отдадите". Через пару месяцев немалые по тем временам деньги были ему вручены. Кто знает, сколько раз подобные выплаты, сделанные Владимиром Васильевичем приглашенным прочитать лекции на кафедре ученым, остались не разоблаченными!

Всем хорошо была известна "утроба" меннеровского портфеля, из которого могла быть извлечена и полученная только вчера зарубежная публикация по стратиграфии ордовика или неогена, и позапрошлогодняя рукопись, предназначенная для публикации в "Докладах АН СССР". Рукописи иногда терялись. Владимир Васильевич очень переживал потерю и всемерно способствовал быстрому ее последующему опубликованию. Уникальный случай произошел с одной из статей нашего коллеги из Якутска. Он прислал рукопись с просьбой представить в "Доклады", а через месяц, приехав в Москву, поинтересовался ее судьбой. "Прекрасная статья, — сказал Владимир Васильевич, — только я ее потерял, если есть еще экземпляр, я отдам перепечатать и

пушу вне очереди". Экземпляр нашелся. Оказалось, что Владимир Васильевич не терял рукопись, а еще месяц назад подписал ее к публикации, но забыл об этом. Статья вышла в положенный срок, а в следующем (через декаду) томе "Докладов" во второй раз была напечатана та же статья.

Вместе с тем доброжелательность Владимира Васильевича не была всеядной и беспринципной. Если существовало что-то, что в корне противоречило его представлениям, ничто и никто не могли изменить его мнение, хотя он никогда не навязывал его другим и не давил, заставляя принять его точку зрения. За 20 лет работы спецсовета по защите диссертаций при геологическом факультете МГУ, в течение которых Владимир Васильевич был его председателем, было два случая, когда он выступал и голосовал против. При этом он выступал не против личности диссертанта, отдавая должное его деловым качествам, проделанной работе, но не соглашался с конкретным научным положением, которое, по его мнению, не должно было стать достоянием науки. И говоря, что будет голосовать против, не призывал членов спецсовета последовать его примеру.

Другим примером уважения к чужому мнению, противоречащему его собственному, является история перевода "International Stratigraphic Guide", составленного Х.Хедбергом. Книга была получена редакцией издательства "Мир" с предложением перевести ее на русский язык. Это был итог работы Международной подкомиссии по стратиграфической номенклатуре под руководством Х.Хедберга. Книга, получившая в русском переводе название "Международный стратиграфический справочник" (никак не поворачивался язык назвать его "Руководством" для русских стратиграфов), была выдержана в духе идеологии американского стратиграфического кодекса, американской стратиграфической школы с ее представлениями о "много-рельсовой" (по выражению С.В.Мейена) стратиграфии. Эта идеология принципиально отличалась, по тогдашним представлениям, от идей западноевропейской и отечественной школ о единой стратиграфии. Большая группа европейских стратиграфов выступила со специальной статьей, где обосновывалась альтернативная точка зрения, ведущий германский стратиграф Х.Эрбен демонстративно вышел из состава редколлегии. При голосовании о принятии к публикации английского издания "Guide..." в Международной подкомиссии было подано три отрицательных голоса — стратиграфическими комитетами СССР и ФРГ и персонально В.В.Меннером.

Поэтому понятны сомнения, с которыми я пришел к Владимиру Васильевичу с предложением о переводе и публикации книги на русском языке. Ведь если Владимир Васильевич был против публикации даже английской версии, то естественно, я был готов выслушать отказ. Но все оказалось прямо наоборот. В.В. не только приветствовал перевод, но и согласился быть титульным редактором. Он хотел в редактор-

ском предисловии изложить историю создания "Guide...". Х.Хедберг категорически отверг предложенное, отверг он и следующее предложение о помещении в качестве предисловия упомянутой статьи европейских стратиграфов, так же как и включение любых комментариев. Книга вышла с кратким редакционным предисловием, без упоминания имени В.В.Меннера, хотя он тщательно редактировал перевод. В книге содержится в виде сносок около десяти редакторских примечаний Владимира Васильевича, но поскольку имя титульного редактора перевода по требованию Х.Хедберга нигде не упоминалось, можно было подумать, что Х.Хедберг сам делал примечания. Подготовленное В.В.Меннером предисловие было опубликовано немного раньше справочника в виде статьи в "Известиях АН СССР". Сейчас даже трудно представить, какой урон понесла бы отечественная стратиграфия, если бы эта книга не стала своевременно доступна для наших стратиграфов.

Д.М.Раузер-Черноусова
ГИН РАН

О ВЛАДИМИРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ МЕННЕРЕ

Первая встреча с Владимиром Васильевичем как-то выпала из моей памяти, зато она четко сохранилась в памяти моей дочери. Она вспоминает, что в середине тридцатых годов, как-то стоя у окна, она увидела проходящего мимо человека с несколько необычной внешностью и услышала слова своей бабушки: "Вот идет святой человек". Эти непривычные для моей матери слова были отзвуком на то, что говорилось о Владимире Васильевиче в доме геологов-нефтяников, в котором мы жили. Надо полагать, они относились прежде всего к высоким душевным качествам Владимира Васильевича, к его отношению к своим ученикам и коллегам.

При встречах с Владимиром Васильевичем у меня всегда возникало чувство радости от общения с ним. Ярко выраженное обаяние Владимира Васильевича исходило от его живых глаз, рокошущего приветливого голоса и определялось глубоким сочетанием ясного и многостороннего ума и большой души. Владимир Васильевич в общении был очень простым, доступным всем. Каждый всегда мог подойти к нему с любым вопросом, как научным, так и личным, встретить доброжелательный прием и получить ответ на нужный вопрос, реальную помощь советом, а нередко и делом.

Для меня Владимир Васильевич был не только высшим авторитетом в вопросах стратиграфии и палеонтологии, но и наставником в научной работе. К нему я обращалась за советом во всех затруднениях в организационной деятельности и в пределах лаборатории, и вне ее.

Когда что-то не ладилось со сдачей в печать трудов нашей лаборатории, мы шли к Владимиру Васильевичу и знали, что он не откажет и все уладит. Он всегда выполнял свои обещания, был очень обязательным. Как Владимир Васильевич успевал и все помнил при своей огромной занятости академика, члена многочисленных межведомственных и международных комиссий, заведующего кафедрой палеонтологии МГУ, остается для нас загадкой. Он не жалел своих сил и щедро делился с каждым своим опытом и эрудированностью.

Как и всем своим многочисленным ученикам и коллегам, Владимир Васильевич всегда много внимания уделял моей работе и личной жизни. Это по его совету решился вопрос о поступлении моей дочери не в МГУ, а в МГРИ, так как в предвоенные годы именно во МГРИ можно было получить более широкое геологическое образование. С Владимиром Васильевичем я всегда обсуждала планы работ, его влияние явно отразилось на направлении моих исследований. В последние годы своей жизни (когда сама я уже редко бывала в институте) Владимир Васильевич не раз заходил ко мне домой, чтобы узнать, как продвигается работа со справочником по систематике фораминифер палеозоя.

Я считаю себя последовательницей Владимира Васильевича в области разработки сверхдробных стратиграфических схем. Во второй четверти нашего столетия в этом вопросе произошел коренной перелом, вызванный в основном представлениями и идеями Владимира Васильевича. Долгие годы в биостратиграфии принято было обосновывать стратиграфические подразделения путем анализа комплексов ископаемых организмов в пределах свит, зон и горизонтов. Владимир Васильевич предложил проводить изучение и расчленение разрезов не посвитно, а послойно, с выделением наиболее дробных прослоев как отдельных стратонов. Это предложение и было положено мною в основу стратиграфических исследований. Методы вычленения очень дробных стратиграфических подразделений разнообразны, но обычно в результате применения принципа Владимира Васильевича намечаются определенные наименьшие отрезки, этапы историко-геологической эволюции биоты, фазы палеоэкосистем. Такие данные в сочетании с анализом особенностей литогенеза позволяют с большой уверенностью и более объективно обосновывать объем и границы свит, зон и горизонтов.

Предложенный Владимиром Васильевичем принцип послойного расчленения разрезов путем изучения биоты в комплексе с литологическими характеристиками отложений был быстро освоен стратиграфами, особенно в нефтяной геологии, в первую очередь при изучении палеозоя в разрезах глубоких скважин Восточно-Европейской платформы и Приуралья. Мои основные стратиграфические работы могут служить примером применения положений Владимира Васильевича.

В настоящее время послышное изучение и расчленение разрезов общепринято. Этот принцип лежит в основе выявления маркирующих слоев и обоснования границ зон, свит, горизонтов, установления объемов стратонтов. Разрешение спорных вопросов о проведении границ ярусов, отделов и систем в последние годы часто сводится к выявлению определенных слоев и к их корреляции в масштабах межрайонных, межконтинентальных и единых планетарных стратиграфических схем. Значение предложенного В.В.Меннером принципа послышного изучения и расчленения разрезов при рассмотрении таких проблем бесспорно основополагающее. Принцип сверхдробного расчленения разрезов должен получить название "принцип В.В.Меннера".

В заключение хочется отметить, что при обсуждении с Владимиром Васильевичем моих работ он всегда был весьма деликатным и делал свои замечания в мягкой форме или делился своими мыслями и соображениями. Таким он был и со своими учениками, щедрой рукой раздававший свои идеи и никогда не претендовавший на соавторство в печати. Он предоставлял своим ученикам полную свободу.

Владимир Васильевич всегда находил время для оказания внимания своим ученикам и коллегам, для моральной поддержки в трудные минуты их жизни. Увлеченность и беспредельная преданность науке никогда не заслоняла в душе Владимира Васильевича человека с его заботами и тревогами. Как никто, умел он находить слова поддержки, критики и оценки работ каждого из нас на заседаниях, юбилеях и последних прощаниях. Его выступления никогда не были формальными, они всегда были полны живым чувством.

Память о Владимире Васильевиче как о выдающемся ученом, о мудром руководителе созданной им школы и о человеке большой души надолго сохранится в сознании геологов и стратиграфов.

М.А.Ахметьев
ГИН РАН

В.В.МЕННЕР: МГРИ, ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Первое мое знакомство с Владимиром Васильевичем, как и большинства первокурсников МГРИ начала 50-х годов, состоялось на лекции в 55-й аудитории третьего этажа Главного корпуса института, или корпуса "Ж" в реестре зданий "старого" МГУ. Маленькая комната кафедры помещалась рядом на лестничной площадке. Здесь же у лестницы и в коридоре, напротив лекционной аудитории, хранились палеонтологические коллекции, в том числе и "контрольные". Последние не были отполированы до блеска руками студентов, так как материал раздавался только на контрольных и экзаменах. В шкафу в комнате

кафедры стояли экземпляры руководства Циттеля и недавно выпущенного толстого учебника Л.Ш.Давиташвили. Недостающие экземпляры книг для практических занятий студенты брали в библиотеке. На шкафу и за ним хранились плакаты — наглядные пособия, которые во время лекций вывешивались у доски. Для практических занятий из другого шкафа извлекались бинокюляры. Вот собственно и все "хозяйство", которым владел заведующий кафедрой или "доцент В.В.Меннер", как значилось в нашем расписании.

Помощниками Владимира Васильевича были две лаборантки — Мария Андреевна и Мария Васильевна. Первая более снисходительная, как нам тогда казалось, по-доброму относившаяся к студентам, вторая — более строгая. В отсутствие Владимира Васильевича лекции геологам-разведчикам читали М.А.Болховитинова или Р.Л.Мерклин, иногда А.И.Золкина. К лекциям Владимир Васильевич всегда немного опаздывал. В таких случаях все занимались своими делами, а один из нас отряжался на подоконник и, сидя на нем, смотрел в сторону узкого прохода в "хозяйство" МГРИ с Манежной. Тут же стояла Мария Андреевна, уговаривая нас не расходиться: "Он сейчас придет. Звонил". Через какое-то время раздавался голос "впередсмотрящего": "Бежит". И, действительно, через какую-то минуту перед нами со своим неизменно толстым потрепанным коричневым портфелем возникал Владимир Васильевич. Поправляя на ходу сбившуюся прическу и оглаживая рыжеватую бородку, которая была в то время маленькая, "клинышком", он начинал лекцию. Слушать Владимира Васильевича было захватывающе интересно, что мешало нормальному конспектированию. Впрочем, к экзаменам даже по полным конспектам наших более усидчивых сокурсников готовиться было трудно. Лекции Владимира Васильевича не облекались в жесткие рамки параграфов и разделов. К экзаменам всех выручал учебник Л.Ш.Давиташвили.

Торжественной выглядела церемония принятия зачетов. Каждому из нас вручались для определения из контрольной коллекции беспозвоночных три ископаемые формы, например, "азафус", "кадоцерас" и "мактра". Не определив хотя бы одну, студент получал три новые формы, а после очередной ошибки — еще три, на этот раз последние. Затем следовало одно из двух заключений: "Ну вот, батенька, Вы же все хорошо знаете", или, что тоже бывало: "Ну, сударь, Вам еще подучить придется". Не обходилось и без курьезов. На одном из практических занятий, которые обычно вел Владимир Васильевич, считавший их не менее важными, чем лекции, изучались морские ежи. Склонивши головы, все пытались разобраться в морфологии панцирей, понять, где у ежей анус, а где рот. Вдруг в полной тишине от одного из столов раздалось радостное: "Так вот же у меня анус!". Владимир Васильевич, пряча улыбку, пытался не реагировать на столь опрометчивое заявление, но буквально через пару секунд присоединился к общему дружному хохоту.

На экзаменах Владимир Васильевич обычно бывал менее строг, сопереживая нашим неудачам. Он знал, чем в то время грозила студентам "тройка", а тем более "двойка". Обычно больше половины группы выходила из аудитории с "пятерками" в зачетках. Помню, миниатюрный хакас из нашей группы, Ваня Кольчиков, должен был рассказать об археоптерисах, у которых имел весьма смутное представление. "Какой же образ жизни они вели, как перемещались?" — пытался ему подсказать Владимир Васильевич. Все мы болели за Ваню и стали размахивать руками, давая ему понять, что они летали. "Плавали они", — невозмутимо ответил Ваня, полагая, что в середине мезозоя древние животные не приобрели еще столь совершенные способы передвижения. "Вы тоже плаваете, сударь, — грустно заметил Владимир Васильевич, — придется Вам прийти еще раз".

После одной-двух совместных экскурсий по Подмосквовью Владимир Васильевич быстро "оброс" учениками. Однако только двое — Геннадий Николаевич Садовников и Валентина Николаевна Куликова (Синельникова) — находились на кафедре денно и нощно. Валя постоянно препарировала брахиоподы Подмоскковья, шлифовала макушки раковин. Они стали палеонтологами, людьми, навсегда близкими Владимиру Васильевичу.

Моим первым наставником в геологии был Дмитрий Сергеевич Соколов, который дал нам с сокурсником, Валей Войтовичем, тему первой студенческой работы "Карст Подмоскковья". Мы много "экскурсировали", то по Пахре, то по Москве-реке, добирались до Оки у Серпухова, пытаясь найти в кровле известняков карбона следы карста и иногда принимая за его проявления обычные суффозионные воронки. Дмитрий Сергеевич был педагогом редкого таланта, к тому же обладал тонким юмором. Мы были к нему искренне привязаны и очень огорчились его отъездом на несколько лет в Китай.

Спустя некоторое время, учась на четвертом курсе, я "переметнулся" к Владимиру Васильевичу. Было объявлено о начале работы палеонтологического кружка, а у меня для изучения был свой материал, который я собрал, работая в составе Каратауской экспедиции МГРИ. Это было время, когда студенты принимали самое непосредственное участие в съемочных работах, мы самостоятельно картировали отдельные участки съемочной площади, обычно более простые по геологическому строению. Вот и мне достались маршруты на севере листа около Бешарыка, где структуры единственных здесь отложений ордовика погружались. Почти весь сезон мы искали фауну, и уже под конец мне повезло: нашел одну линзу с брахиоподами и эндоцератидами, затем другую, потом еще несколько. Теперь самому хотелось принять участие в определении собранной коллекции, благо, что по брахиоподам можно было посоветоваться с Валей Куликовой. Вооружившись только что вышедшей монографией по ордовикским отложениям Центрального Казахстана, сопровождавшейся палеонтологическим атласом,

начал сравнивать. Но не тут-то было! "А что Вы читали по ордовику Казахстана?" — спросил Владимир Васильевич. "Вот", — и я протянул имеющуюся у меня книгу... "Нет, так не пойдет. Этого мало. Обязательно прочитайте статьи Галицкого; Бубличенко, конечно, Машкары. А недавно вышла прекрасная работа Леонида Ивановича Боровикова. И хотя это не Ваш район, все равно просмотрите".

Как мне показалось, через несколько занятий я уже мог заявить о первых определенных мною брахиоподах. "Может Вы и правы, но докажите мне это". Однако сколько я ни пытался убедить Владимира Васильевича, он только посмеивался: "Нет, Вы меня не убедили".

Студенты везде и во все времена самый бедный народ. Учебу во МГРИ я совмещал с работой на полставки в своей же полевой партии. По собранной фауне нужны были заключения палеонтологов. К моей радости, Ирина Тимофеевна Александрова — начальник партии, по совету Владимира Васильевича, решила откомандировать меня в Ленинград к специалистам.

Владимир Васильевич принял самое живое участие в этой поездке. По времени она совпала с зимними каникулами, и это не грозило неприятностями из-за пропуска занятий. Узнав, что у меня уже есть билет на поезд, он предложил приехать к нему на Павелецкую улицу: "Я дам Вам рекомендательные письма и расскажу, где и кого Вы найдете".

Хорошо помню эту встречу: в этот день мне исполнилось двадцать два года. Дверь мне открыла молодая красивая женщина, за платье которой держался карапуз. "Володя, к тебе пришли", — крикнула она. "Как, однако, она фамильярна с ним", — мелькнуло у меня в голове. Я хорошо знал Володю, сына Владимира Васильевича, он учился во МГРИ, на несколько курсов старше меня. Открывшую мне женщину я принял за его сестру. Вышел Владимир Васильевич и представил меня жене — Нине Степановне Чеботаревой.

Мы прошли в комнату. "Вот Вам три письма. Два во ВСЕГЕИ: одно Ольге Ивановне Никифоровой, она посмотрит Ваши брахиоподы; второе — Николаю Константиновичу Овечкину. Вам ведь, наверное, негде остановиться. Он Вам поможет с общежитием. Скорее всего Вы найдете его в парткоме института. А с этим письмом Вы пойдете на кафедру палеонтологии ЛГУ. Передадите Захару Григорьевичу Балашову. Он эндоцератиды посмотрит. Найдете его на 16-й линии. Это рядом со ВСЕГЕИ. Но позвоните предварительно. Вот его телефон".

После непрезентабельного здания МГРИ внешний вид и интерьер ВСЕГЕИ произвели на меня неизгладимое впечатление. Да и люди по широкой лестнице и по коридорам, казалось, двигались как-то плавно, торжественно. Это первое восприятие ВСЕГЕИ сохраняется у меня и по сей день, хотя с тех пор, соскочив с трамвая на Среднем проспекте, десятки раз открывал я тугие массивные двери.

К моей радости, Ольга Николаевна Никифорова подтвердила два моих определения, и с полученным заключением, что верхи ордовикского разреза имеют карадокский возраст, я вернулся в Москву.

И еще немного о Каратауской экспедиции. Она сыграла большую роль не только в жизни преподавателей МГРИ, обеспечивая их на протяжении десятилетия интересной полевой работой, но и студентов. Все мы, как и наши наставники, находились в гуще событий. Переживаний тоже хватало. Это было время защиты массы отчетов, диссертаций, дипломов и курсовых. И все по Каратау! Писались и публиковались статьи и даже книги.

По принципиальным вопросам геологии возникали дебаты. Они выплескивались за стены института, продолжаясь в аудиториях МОИПа. Об одном таком споре, длившемся не один год, расскажу подробнее, так как с ним, хотя и косвенно, связан Владимир Васильевич. Речь шла о надвиговых структурах в толщах палеозоя Каратау. Основная часть геологов-съемщиков — Г.И.Макарычев, В.В.Эз, Милан Арсовски, Лев Беляков и другие — разделяли точку зрения В.В.Галлицкого, признававшего большую роль шарьяжных дислокаций в структуре хребта. Последовательным противником шарьяжей был В.В.Бронгулеев. Его поддерживали некоторые палеонтологи. Их в свою очередь не давал в обиду Владимир Васильевич, являясь своего рода куратором этой части работ. Последнее обстоятельство вполне обеспечивало паритет оппонентов в продолжительном споре и уравновешивало напор многочисленных противников В.В.Бронгулеева.

Сейчас это уже давно кануло в лету. Десятилетия спустя становится все более очевидным, что в большей степени оказались правы сторонники наличия надвиговых покровов в Каратау. В конечном счете это подтвердило и бурение. Однако сам по себе спор был весьма плодотворным. Он требовал от оппонентов мобилизации "защитных ресурсов" в виде глубоко продуманных аргументов, основанных на добытых фактах.

Отношение студентов к Владимиру Васильевичу особенно ярко проявилось во время защиты им докторской диссертации. В просторную аудиторию МГУ, где она проходила, невозможно было проникнуть. Толпы стояли в дверях. Добрую половину присутствующих составляли студенты МГУ и МГРИ. Буквально через некоторое время появились изменения в расписании: доцента В.В.Меннера, читавшего курс "Палеонтология", сменил академик В.В.Меннер.

Влияние Владимира Васильевича на учебный процесс во МГРИ проявлялось по-разному и отнюдь не ограничивалось личными контактами со студентами. Уже многие десятилетия длилась в институте "война" между кафедрами за академические часы. В пятидесятые годы все попытки урезать предметы, формирующие геологическое мировоззрение будущих специалистов, встречали отпор со стороны В.В.Меннера и его друзей-единомышленников с кафедры "Историче-

ская геология" — профессоров Е.В.Шанцера, М.В.Муратова и Д.С.Сokolова.

Расскажу еще об одной встрече с Владимиром Васильевичем только потому, что она тоже касалась меня лично. К началу 1980 г. я закончил в Геологическом институте работу над докторской диссертацией, прошел предзащиту и готовился к окончательной защите. Владимир Васильевич, который попеременно с Валерием Аркадьевичем Крашенинниковым вел спецсовет, был болен, и я договорился, что приеду к нему домой со всем материалом: "Захватите и демонстрационную графику, если она готова. По ней Вы все мне и расскажете". Наше свидание продолжалось часа полтора-два. Владимир Васильевич благословил на защиту. Уже когда я уходил, он похлопал меня по плечу: "А большой лист с картой, где у Вас показаны магнитные аномалии, подходящие к Исландии, придется поправить. Эти аномалии у Вас неверно пронумерованы. А то неудобно будет, если кто-нибудь на защите обратит внимание". Я опять развернул листы и к своему ужасу увидел грубейшую ошибку, прежде не замеченную ни мной, ни товарищами по Исландской экспедиции, которые не раз видели чертеж! Я покидал Владимира Васильевича с чувством глубокой признательности за обсуждение работы и, конечно, за обнаруженную им ошибку, на которую деликатно мне было указано.

Два последних года жизни Владимира Васильевича совпали с начавшимися преобразованиями в стране. Я никогда не слышал от него оценок всего происходящего. Однако он был крайне озабочен возникшими трудностями с финансированием академических работ. Не скрывал этого. Все чаще искал контактов с представителями отраслевых министерств.

Как-то неуловимо за непродолжительное время Владимир Васильевич изменился и внешне. Погрузнел, чуть ссутулился, исчезла прежняя пружинящая походка. И хотя годы брали свое, заметных перемен в его рабочем режиме не было. Когда он находился в институте, у его кабинета на третьем этаже, доставшемся ему в наследство от Е.В.Павловского, как обычно, толпились посетители. По-прежнему многим были нужны его советы и помощь. Чтобы люди не стояли, кто-то из сердобольных поставил два кресла напротив лестницы, ведущей на третий этаж (после кончины Владимира Васильевича они быстро исчезли).

Очень помог в это время Владимир Васильевич и нашей лаборатории палеофлористики при подготовке к публикации трудов Всеволода Андреевича Вахрамеева и Сергея Викторовича Мейена.

В последние годы, как и на протяжении всей жизни, Владимир Васильевич продолжал следить за новостями мировой науки. Его интересовало и внедрение оригинальных методик, и систематика групп ископаемых организмов, все шире используемых в биостратиграфии. В этой связи вспоминаю один из моих последних визитов к нему.

Реферируя продолжительное время статьи по палеофлористике для "Реферативного журнала", я обратил внимание на заметно возросшее число зарубежных работ по органикостенному фитопланктону мезозоя-кайнозоя и прежде всего по диноцистам. У нас же, кроме отдельных статей Тамары Федоровны Возженниковой и ее ближайших учениц А.С.Андреевой-Григорович и Э.С.Олейник, в печати ничего не появлялось. Понимая, что публикации за рубежом — это лишь верхушка айсберга, большая часть которого из-за секретов нефтяных фирм скрыта от глаз, я, чтобы как-то стимулировать эти исследования у нас в стране, во время одной из встреч с Т.Ф.Возженниковой поделился идеей организации и проведения в Геологическом институте в Москве совещания по этой группе с приглашением молодежи, превратив его в своего рода школу. Заручившись ее поддержкой в этом вопросе, осенью 1986 г. я пришел с ним к Владимиру Васильевичу. Выслушав предложения, он заметил: "Мы действительно с этой группой здорово опоздали. Готовьте письмо в Президиум о включении совещания в план Академии наук на будущий год. Сейчас еще не поздно". Совещание состоялось в июле 1987 г. Владимир Васильевич сам собирался его открыть, но по какой-то причине не смог на нем присутствовать. Однако потом обстоятельно расспрашивал меня, как оно прошло. Интересовался, не нужно ли что-нибудь ему предпринять, чтобы первые ростки не заглохли.

В моей памяти Владимир Васильевич навсегда останется как человек удивительно отзывчивый, большой доброты, внимательный, особенно к молодежи, вместе с тем бескомпромиссный, особенно когда это касалось науки. Широта его интересов, эрудиция и отнюдь не поверхностное понимание как общих, так и частных проблем, стоявших перед исследователями разных групп биоты, повсеместно снискали ему высокий авторитет. Вряд ли мы ошибемся, связывая "звездные часы" стратиграфии и палеонтологии в нашей стране с именем Владимира Васильевича Меннера.

К.В.Никифорова
ГИН РАН

ПАМЯТИ В.В.МЕННЕРА

С Владимиром Васильевичем Меннером я познакомилась в 1930 г. во время организации Московского геологоразведочного института. В 1929 г. я поступила на естественноисторическое отделение физико-математического факультета МГУ по специальности "геология". Однако в 1930 г. эта специальность в МГУ была ликвидирована, а на ее основе создан Московский геологоразведочный институт (МГРИ). В профессорско-преподавательский состав МГРИ почти целиком вошел кол-

лектив ученых геологического профиля МГУ. В.В. Меннер в МГРИ вел курс лекций по палеонтологии, общей геологии и геологии СССР, позже он возглавил кафедру палеонтологии. В 1966 г. В.В. стал заведующим кафедрой палеонтологии на геологическом факультете МГУ.

Отличительной чертой характера В.В. Меннера была огромная работоспособность и широта научных интересов. Еще будучи студентом, он проявлял особый интерес к вопросам палеонтологии и стратиграфии, и эта его привязанность осталась на всю последующую жизнь. С одинаковым интересом и неослабевающей энергией В.В. занимался изучением стратиграфии и палеонтологии отложений от докембрия до четвертичного периода включительно, и до сих пор нет равных ему по широте и глубине проникновения в предмет исследования.

Много времени и сил отдавал Владимир Васильевич подготовке научных кадров. Педагогической деятельностью он начал заниматься со студенческих лет. На его лекциях никогда не было пустых мест. Они привлекали не только студентов, но и преподавателей, а часто и сотрудников различных геологических учреждений. Без преувеличения можно сказать, что им создана школа исследователей палеонтологии и стратиграфии. Неудивительно, что из МГРИ вышла целая плеяда стратиграфов и палеонтологов, представители которой пользуются заслуженным авторитетом в стране и известны за ее пределами. Каждый, кому выпало счастье встречаться с В.В. Меннером, а тем более быть его учеником, не мог не почувствовать обаяния его личности. При этом надо отметить его необычайную простоту, доступность и доброту, а также глубокое чувство ответственности за порученное дело.

Мне посчастливилось быть ученицей таких неординарных ученых, какими были Н.С. Шатский, Г.Ф. Мирчинк и В.В. Меннер, в дальнейшем я работала в том же, что и они, институте.

В 1934 г. Владимира Васильевича пригласили на работу в Академию наук СССР. В 1934–1935 гг. он был научным сотрудником и ученым секретарем Палеонтологического института АН СССР. В 1935 г. В.В. Меннеру были присуждены ученые степени кандидата биологических наук и кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертаций, а в 1961 г. ученая степень доктора геолого-минералогических наук.

В 1934 г. из Ленинграда в Москву вместе с Президиумом АН СССР и другими академическими организациями был переведен и Геологический институт. С первых шагов деятельности ученых Геологического института московского периода началось быстрое развитие всех отраслей геологической науки. В 1934 г. был создан и отдел четвертичной геологии, который возглавил Г.Ф. Мирчинк. Он же подбирал кадры для этого отдела, в который пригласил и меня в качестве научного сотрудника. Бессменным руководителем отдела стратиграфии с момента организации до своей кончины в январе 1989 г. был Владимир Васильевич Меннер.

Таким образом, с 1930 по 1989 г., почти в течение 60 лет, моя жизнь проходила в непосредственном общении с Владимиром Васильевичем Меннером. Я часто пользовалась его советами, за которыми обращалась по многим научным вопросам, иногда они касались повседневной, часто нелегкой жизни института. Нужно сказать, что Владимир Васильевич был интеллигентом в самом широком смысле этого слова. Никогда он не становился соавтором своих учеников и сотрудников, если только сам не участвовал в написании какой-то части представленного труда. Обладая поразительной памятью и разносторонностью знаний, при огромной занятости, он оставался внимательным и заботливым по отношению к окружающим. Упомяну, например, что долгое время Владимир Васильевич содержал в ГИНе на свои деньги старого лаборанта-препаратора, который много лет работал в институте и был сокращен по старости, но не знал об этом (Владимир Васильевич договорился с бухгалтерией, чтобы деньги шли через кассу института, дабы не обидеть старика).

Однажды я была свидетельницей, как Владимир Васильевич несколько часов держал в вагоне поезда на коленях ребенка одной из пассажирок, которой не нашлось места. По отношению к себе он был абсолютно непритязателен. Уже будучи академиком, старался, пока позволяли ноги, не вызывать машину из академического гаража. Я помню его, выходящим из метро с огромным старым портфелем в руках, наполненным доверху. Когда я как-то сказала ему, что этот портфель для него уже тяжеловат, то услышала в ответ: "Милый друг, — это было его любимым обращением к хорошо знавшим его людям, — но ведь здесь все нужные вещи, я привык его носить".

В годы Великой Отечественной войны Геологический институт был эвакуирован в г. Свердловск (Екатеринбург). Владимир Васильевич в Свердловск не поехал. Некоторое время он оставался в Москве, спасая музейные коллекции института. Затем, в 1941–1942 гг., участвовал в работе Башкирской нефтяной экспедиции СОПС АН СССР, а с 1943 до 1950 г. включительно был заместителем начальника по научной части и руководителем стратиграфической группы Северной, впоследствии Полярно-Уральской, экспедиции, созданной для выяснения перспектив поисков полезных ископаемых региона. Деятельность В.В. Меннера как организатора крупнейших научных исследований касалась не только территории бывшего Советского Союза. Он был членом многих научных, в том числе и зарубежных, обществ, комиссий и комитетов. До последнего дня Владимир Васильевич являлся заместителем председателя МСК. В 1968–1972 гг. он президент Международной комиссии по стратиграфии Международного союза геологических наук, в 1974–1989 гг. — заместитель председателя Советского комитета по Международной программе геологической корреляции, в 1976–1984 гг. — вице-президент Международного союза геологических наук, в 1977–1988 гг. — председатель Национального комитета

геологов Советского Союза, были у него и многие другие обязанности. Его научные заслуги высоко оценены страной. В 1966 г. он избран действительным членом Академии наук СССР. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и многими медалями.

Роль В.В. Меннера — крупнейшего геолога-стратиграфа и палеонтолога — известна всей мировой геологической общественности. Она отмечена во многих публикациях не только в России, но и за рубежом. Коротко остановлюсь лишь на значении его исследований в области стратиграфии четвертичных отложений.

В своих работах, особенно в последние годы, Владимир Васильевич отмечал наличие в науке о стратиграфии трех основных проблем: проблемы стратиграфии докембрия, проблемы современности, или квартера, и проблемы детализации собственно фанерозойских толщ. Что касается квартера, то, по мнению Владимира Васильевича, "квартер в настоящее время обретает исключительное значение, облегчая человечеству прогноз изменения окружающей среды". Это тесно связано со все большим числом дробных подразделений квартера, предлагаемых стратиграфами-четвертичниками. "Несмотря на кратковременность накопления осадков отдельных подразделений квартера, — писал В.В. Меннер — многие из них прослеживаются на ряде континентов, а теперь и в отложениях океанов, т.е. на всей поверхности земного шара. Это приближает человечество к пониманию происходящих на наших глазах физико-географических процессов и к управлению ими". Одной из важных задач стратиграфии квартера В.В. считал изучение разрезов шельфа и прилежащих частей океана с точки зрения обеспечения человечества горючими и металлическими полезными ископаемыми. В связи со сказанным В.В. все большее значение придавал применяемому стратиграфами-четвертичниками комплексному изучению выделяемых дробных подразделений с помощью различных методов: биостратиграфических, климатостратиграфических, палеомагнитных, изотопно-геохронологических и др. Все они особенно важны для широкой корреляции четвертичных отложений. Как замечал В.В. Меннер, большинство этих методов являются категориями частного обоснования, однако они легко сопоставляются, образуя основу для создания шкалы из подразделений, выделяемых по комплексу разных методов. Так, чередование лессов и горизонтов ископаемых толщ Средней Азии намечает выделение здесь всех 19 изотопных ярусов Ц.Эмилиани и Н.Шеклтона, отмечал В.В. Меннер, ссылаясь на публикации А.Е. Додонова, А.В. Пенькова и А.А. Лазаренко. "В этих условиях не случайно, что четвертичные отложения, для расчленения которых используются неизмеримо более дробные шкалы, изучены значительно детальнее, нежели более древние образования, и являются как бы прототипом дальнейшей детализации стратиграфии", — писал В.В. Меннер в 1986 г. в статье "Стратиграфические подразделе-

ния квартера". Заканчивает В.В. указанную статью многообещающим выводом: "... геологи стоят уже на пороге создания глобальной инфразональной стратиграфической шкалы квартера, и можно не сомневаться, что в недалеком будущем подобные шкалы будут разрабатываться и для более древних систем", "... лед тронулся, и общая стратиграфическая шкала уже сейчас выходит на значительно более широкие просторы".

Все приведенные строки, сказанные патриархом стратиграфии в последние годы его жизни, должны быть адресованы сменившему нас поколению исследователей и восприняты ими.

Разносторонне образованный геолог, талантливый исследователь, человек широких интересов и культуры Владимир Васильевич Меннер оставил яркий след в истории русской геологической науки. Как ученый и человек он снискал мировое признание и останется в памяти тех, кто его знал.

К.И.Кузнецова
ГИН РАН

О В.В.МЕННЕРЕ
(и "музейные дела" тоже)

Владимир Васильевич любил учеников, молодежь, студентов, к которым относился как к равным, без снисходительности или мелочной опеки. Для него было естественным быть окруженным людьми, нуждающимися в его совете. Для этого он не жалел времени, которого ему всегда так не хватало. И еще у него была удивительная черта, которая так пригодилась бы нашим политическим и государственным деятелям — он был терпим к "инакомыслию" в науке. Не просто терпим, а поощрял его в своих учениках и последователях, давая им возможность писать и говорить все, что они считают важным и интересным, особенно если это не совпадало с его мнением. И, напротив, крайне придирчиво относился к суждениям и выводам молодых ученых, целиком совпадающих с его идеями или заключениями. Опасаясь подражательства и развивая способность мыслить, а не копировать, Владимир Васильевич подчас заставлял молодых авторов критически переосмысливать данные, повторять и вновь проверять материал, чтобы убедиться, что предложенная концепция или идея созрела у автора не под его влиянием, а независимо и самостоятельно. Должно быть, именно поэтому заседания стратиграфического отдела в ту пору проходили так бурно, ярко, интересно. Однако и в пылу научной дискуссии Владимир Васильевич внимательно следил за формой выступления сотрудников, требуя корректности, соблюдения научной этики в любом самом остром споре.

Обладея удивительной памятью, Владимир Васильевич деликатно поправлял любого из нас, уточняя данные, которые мы, занимаясь каким-либо конкретным вопросом, должны были, разумеется, знать лучше, чем он. При этом он обычно начинал свои слова с деликатного "я, конечно, мало что понимаю в этом вопросе, но ...".

Его удивительная память хранила не только научные данные, даты, фауну, мощности разрезов и т.д. Она была богата драгоценными литературными, художественными, поэтическими запасами, о чем мы подчас и не подозревали.

Помню один эпизод. В геологической экскурсии на одном из международных симпозиумов во Франции участники, завершив осмотр разрезов, были размещены в автобусах и двинулись в дальний путь (не менее трех часов). Наступил вечер, стемнело, все очень устали за день и быстро впали в дрему. Клонило ко сну и меня, сидевшую рядом с Владимиром Васильевичем. В этот момент мне показалось, что он что-то говорит, обращаясь ко мне. Встрепенувшись и прислушавшись, я поняла, что Владимир Васильевич читает стихи. Сон слетел бесследно, и я слушала его, боясь за шумом мотора пропустить хоть слово. Он читал А.К.Толстого, Фета, Тютчева, читал великолепно, вовсе не подозревая, что у него есть слушатель. Читал одну поэму за другой, читал стихи, не повторяясь и не останавливаясь. И долгая дорога показалась такой короткой! Потом я спросила Владимира Васильевича, как он все это помнит, на что он сказал просто: "Это ведь прекрасные стихи, как же их не помнить". И обещал в следующий раз почитать еще. Но следующего раза уже не было.

* * *

Все, кто работал с Владимиром Васильевичем, кому довелось пройти рядом с ним какой-то отрезок жизненного пути, знают, как щедро делился он своими знаниями, опытом, идеями со всеми, кто к нему обращался. Здесь, впрочем, следует сделать оговорку, потому что такую душевную щедрость Владимир Васильевич проявлял только к тем, в ком чувствовал бескорыстную заинтересованность и добросовестность в работе. Любая халтура и карьеризм исключали возможность дальнейшего научного общения с ним.

Казалось, что Владимир Васильевич интересуется в равной мере всеми научными проблемами, знает все, и для него нет второстепенных или маловажных вопросов начиная с ачкагыльских моллюсков до палеозойских фораминифер. На самом же деле у Владимира Васильевича были проблемы, всегда его волновавшие, для которых он не жалел ни времени, ни сил. К их числу относились "музейные дела": организация геологических музеев, состояние коллекций и т.д., т.е. та научная культура, которая к этому времени была в значительной мере утрачена, а молодыми поколениями и вовсе не приобретена. В этой связи вспоминается один, может быть незначительный, но, как мне кажется, характерный случай.

Владимир Васильевич был приглашен на беседу к президенту Академии наук М.С.Келдышу. Время приема приближалось, машина ждала у подъезда института. Владимир Васильевич торопливо надевал пальто, давая мне (в ту пору ученому секретарю института) последние поручения, сделанные, как всегда, в форме просьбы, а не приказа. В это время в дверь тихонько постучали и вошли две пожилые посетительницы, скромно одетые и робкие. Немедленно усадив их, Владимир Васильевич обратился со своим классическим вопросом: "Что у вас?". Выяснилось, что они приехали издалека, из небольшого провинциального городка, где были хранительницами маленького краеведческого музея. И этот музей теперь теснили, ему угрожала опасность быть перемещенным в еще меньшее и худшее помещение или вообще быть ликвидированным. Владимир Васильевич внимательно слушал их взволнованный и довольно сбивчивый рассказ. Я попыталась как-то напомнить Владимиру Васильевичу о приеме у президента Академии наук, который ждет его, на что Владимир Васильевич нетерпеливо отмахнулся: "Да погодите, милый друг, это же очень важно!" Ободренные сочувственным вниманием посетительницы взволнованно продолжали свой рассказ. Повествование обрастало деталями. Речь уже шла об ископаемых раковинах, каменных орудиях и других экспонатах экспозиции, которую так долго и не просто создавали наши гости. Время приема у президента истекало, но Владимир Васильевич не торопил посетительниц. Он слушал, переспрашивал, уточнял, кому следует звонить и куда надо писать, чтобы спасти музей. И он впоследствии звонил куда надо, писал кому следует, ездил, хлопотал и осуществил все, что обещал. И в этом был весь В.В.Меннер: его уважение к бескорыстной заинтересованности этих скромных женщин к судьбе музея, стремление защитить и сохранить маленький островок культуры и просвещения в глухом захолустье.

Когда человека уже нет с нами, о нем вспоминается самое лучшее, самое главное. Но кладя цветы на каменную плиту с дорогим для всех нас именем, я почему-то вспоминаю о тех скромных посетительницах и тот маленький музей, которого я никогда не видела.

И.С.Грамберг
ВНИИ "Океанология"

ТАКИЕ КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Крупный мужчина с весьма импозантной внешностью. Он мог бы показаться величественным, если бы не необычная подвижность, быстрая восприимчивость и редкое чувство юмора. Таким я вижу академика В.В.Меннера. К сожалению, мне приходилось общаться с Владимиром Васильевичем много реже, чем хотелось бы. Его живой ум необычайно

привлекал меня. Но в тот период, когда я сам занимался проблемами стратиграфии верхнего палеозоя, мне не приходилось близко знать Владимира Васильевича. Это произошло значительно позже, когда увлечение геолого-геохимическими исследованиями стало занимать все мое рабочее время. Мне повезло, поскольку Владимиру Васильевичу были не чужды и эти проблемы. Мы обсуждали с ним возможности использования геохимических показателей для расчленения немых толщ и палеогеографических построений. Его суждения были достаточно критическими. Мой оптимистический настрой относительно возможности использования элементов поглощенного комплекса глинистых пород для реконструкции условий осадкообразования столкнулся со значительной долей скептицизма, который у Владимира Васильевича не выглядел отторжением выдвинутых идей, а скорее их просвечиванием. Его скептицизм не носил разрушающего характера, он несомненно был конструктивен. В этом отношении Владимир Васильевич Меннер отличался от Николая Михайловича Страхова, который был непримирим по отношению к оппонентам.

Убедившись в этом, я стремился использовать каждую возможность пообщаться с Владимиром Васильевичем. Увы! Таких встреч было сравнительно немного. О двух из них мне хотелось бы рассказать.

1971 год. На северном побережье Аляски открыто гигантское нефтяное месторождение Прудо-Бой. Интерес к Арктике и ее потенциальным возможностям вспыхнул с новой силой. Крупные нефтяные компании США и других стран раскошались и выделили средства на проведение второго симпозиума по геологии Арктики. От Советского Союза на симпозиум направляется делегация из девяти человек: четверо ученых из Академии наук и пять от Министерства геологии СССР. Группу ученых из Академии наук возглавляет академик Владимир Васильевич Меннер, делегацию Министерства геологии — профессор В.В.Семенович, работающий в то время начальником Управления нефти и газа Министерства геологии СССР. Перед отъездом все участники поездки приглашены в "Инстанцию" на собеседование.

Молодой мужчина, лет 35 на вид, объяснял трем академикам, одному члену-корреспонденту и четырем докторам наук (девятым был переводчик) как следует себя вести за рубежом. Он был строг и, я бы даже сказал, суров, понимая всю ответственность, которая лежит на нем. Большая часть присутствующих, неоднократно бывавшая за рубежом (за исключением автора этих строк) с интересом внимала ему. Но один человек явно дремал. Глаза его были прикрыты, грудь плавно поднималась и опускалась. На возмущенные взгляды и периодические повышения голоса молодого человека из "Инстанции" он не реагировал. Это был Владимир Васильевич Меннер.

Кульминацией беседы было откровение по поводу того, кто и в каком качестве следует на симпозиум в США:

— Товарищи из Академии наук, — заявил молодой человек из "Инстанции", — поедут как академики, а товарищи из Министерства геологии как инженеры-геологи.

— Позвольте, — возмущенно сказал Владимир Владимирович Семенович, — но мы все доктора наук, а я к тому же профессор, нас знают за рубежом. Почему же мы должны называться инженерами?

— Как Ваша фамилия? — сухо спросил молодой человек.

— Семенович!

— Так вот, товарищ Семенович, если у Вас есть желание поехать в США, то Вы отправитесь туда инженером-геологом, — сказал, как отрезал.

Владимир Владимирович смирился, а Владимир Васильевич продолжал дремать. У меня сложилось впечатление, что строгий инструктор из "Инстанции" вначале возмущался, но потом разумно рассудил, что если В.В. Меннер будет дремать и в США, то прямой угрозы для престижа нашей страны и снижения ее оборонной мощи представлять не будет.

В Сан-Франциско, где проходил симпозиум, мы прилетели в три часа ночи. Несмотря на ранний час, нас встречала большая группа американцев во главе с председателем организационного комитета Максом Питчером. Владимир Васильевич Меннер, являвшийся официальным главой делегации, был, как всегда, неутомим и жизнерадостен. Он представил делегацию Максу Питчеру и его коллегам и сказал, что формально делегацию возглавляет он, но истинным главой делегации является В.В. Семенович, доктор и профессор, руководитель нефтяной геологической службы СССР, с ним еще четыре доктора наук из Министерства геологии СССР, видные специалисты в области нефтяной геологии.

Я не знал тогда, что в Соединенных Штатах несколько иное восприятие звания члена академии. Оно не окружено тем былым ореолом, которым в предшествующие годы (до того как возникли многочисленные академии) было связано это ученое звание в нашей стране. В Соединенных Штатах высшая ученость обозначена профессорским званием, а наибольшая значимость личности — высоким должностным положением или большим капиталом. Когда коллегам из США стало ясно, какую высокую должность в нефтяной геологии занимает В.В. Семенович, перед нашей делегацией открылись большие возможности. И мы действительно многое смогли узнать и увидеть.

Как только это оказалось удобным, я напомнил Владимиру Васильевичу о тех наставлениях, которые мы получили от строгого инструктора из "Инстанции" и о той "оплошности", которую он допустил. Владимир Васильевич лукаво улыбнулся и сказал:

— А я дремал тогда и ничего не слышал. Со мной это бывает.

Видимо, это была особого рода сонливость. И за большой разницы во времени все мы подремывали, пока были в США, вот только Влади-

мир Васильевич не был подвержен этому недугу. Неизменно он был бодр и жизнерадостен. Великий лукавец!

Слова "демократия", "демократ" сейчас у всех на слуху. Что за ними скрывается, понять очень трудно. Каждый трактует их по-своему. Для меня же образцом демократичности всегда был Владимир Васильевич Меннер.

Помню, лет 10 назад я и Виктор Семенович Сурков приехали в аэропорт Шереметьево, чтобы лететь в составе нашей делегации в Париж на сессию Международного геологического конгресса. Ждем остальных членов делегации. Подъезжает "рафик". Из него выходят три молодых человека и мужчина в возрасте, знакомого облика. Молодые люди отходят от машины, вынимают сигареты, завязывается беседа. Пожилой мужчина, в котором мы узнаем академика В.В.Меннера, начинает энергично разгружать "рафик", который буквально набит пачками книг. Пачки тяжелые, и мы с Сурковым бросаемся на помощь. Молодые люди невозмутимо продолжают курить.

Спрашиваю Владимира Васильевича:

— Случайные попутчики? — он с удивлением смотрит на меня.

— Разве Вы их не знаете? Это сотрудники Академии наук, провожают меня, помогают перевезти груз.

Убежден, что Владимир Васильевич искренне считал, что раз он не курит, то не должен быть без дела. Любая работа была для него хороша. Молодых людей он не осуждал. Ведь они были заняты беседой. Похоже было, что молодые сотрудники из Академии наук разделяли эту точку зрения.

То, что мне вспомнилось, разумеется, лишь небольшие штрихи к портрету большой и многогранной личности. Надеюсь, у людей, знавших Владимира Васильевича, они не нарушат целостности восприятия, и в нашей памяти всегда будет жить крупный красивый мужчина, с внешним обликом которого гармонично сочеталось представление о большом уме, доброте и необычайной притягательности.

В.Д.Наливкин
ВНИГРИ

КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В.В.Меннер был человеком высокого роста, немного сутуловатым, с быстрыми движениями. У него была рыжеватая бородка клинышком; волосы зачесывал на сторону, нередко они были лохматыми; голос был громкий; речь немного картавая, очень характерная.

В.В.Меннер производил впечатление оживленного, веселого и интересующегося всем новым человека, но вместе с этим мудрого авторитетного исследователя. Его специальностью были палеонтология и

стратиграфия, но он глубоко понимал и процессы осадконакопления и даже геотектонику. Его предложения по организации работы и подбору специалистов часто бывали лучшими. Все это объясняет, почему окружающие относились к нему с большим уважением и почтением.

Мне несколько раз приходилось общаться с В.В. Меннером. В первый раз возник спор о том, "скользят" ли во времени границы свит или они более или менее разновозрастны. Это было давно, где-то в 70-х годах. В.В. со свойственной ему горячностью доказывал, что свита является хронологической единицей, и границы ее имеют примерно один и тот же возраст. В дальнейшем, когда накопился неоспоримый фактический материал, В.В. изменил свою точку зрения.

В другой раз разговор был о том, какого характера палеонтологостратиграфические исследования надо проводить, чтобы помочь в поисках нефти и газа. Мы пришли к выводу, что, помимо исследований обычного типа, требуется разработка сверхдетальной биостратиграфии, это позволит проводить корреляцию отдельных пластов или пачек малой мощности. Такая стратиграфия требуется для контроля при корреляции пластов, проводимой с помощью каротажа или сейсморазведки. Впоследствии В.В. Меннер пытался организовать такие исследования, но неудачно. Каждый метод имеет свои ограничения, которые можно преодолеть принципиально новыми подходами. Надеюсь, что в будущем эта задача будет решена. Послойная биостратиграфия очень нужна.

В.В. Меннер был близок с моим отцом. Близость возникла не только из-за того, что они оба занимались одной и той же проблемой (В.В. Меннер — применительно к молодым отложениям, Д.В. Наливкин — к древним, палеозойским), но и вследствие сходства мировоззрений и отчасти характеров. Здесь применимо выражение "родство душ".

В.В. Меннер был добрым человеком; люди тянулись к нему, и он всегда был рад помочь советом и делом.

Б.В. Поярков

Ярославский государственный педагогический институт

В.В. МЕННЕР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Не исключаю, что когда-нибудь историки науки назовут 30–80-е годы XX века золотым временем отечественной стратиграфии и палеонтологии. Они, изучая ход палеонтологостратиграфической мысли, непременно обратятся к личности Владимира Васильевича Меннера, в значительной степени способствовавшего развитию этой области знаний. Анализ его трудов и воспоминания современников позволят нарисовать научный портрет этого необыкновенного человека. Моя

задача скромнее — рассказать о некоторых незабываемых впечатлениях от нечастых встреч с ним.

Впервые я увидел В.В.Меннера в середине 50-х годов на конференции ВСЕГЕИ, на которой обсуждалась классификация стратиграфических подразделений, предложенная Л.С.Либровичем. Тогда разгорелся жаркий спор о том, к какой шкале принадлежит ярус — региональной или общей, международной. К началу совещания Владимир Васильевич опоздал: он приехал на 2-й или даже 3-й день, когда мнение присутствующих стало клониться в сторону региональности яруса. И вот выступает В.В.Меннер. Я, конечно, не помню всей его аргументации. В памяти осталось лишь общее впечатление от его выступлений (он не один раз брал слово). Это впечатление как от ворвавшегося в чинный конференц-зал ВСЕГЕИ вихря, который очень контрастировал с размеренно академическим чуть-чуть суховатым, но безупречно логичным выступлением Л.С.Либровича.

Потом я не раз слушал доклады В.В.Меннера, и они всегда поражали своей эмоциональностью, широтой мышления, умением выделить ядро проблемы и, опираясь на него, нарисовать перед слушателями целостную, прямо-таки зримую картину. Его эрудиция и память поражали. Нередко, читая рукопись, он тут же диктовал библиографические сведения о тех работах, которые необходимо дополнительно просмотреть, и даже порой сообщал, на какой стороне, левой или правой, напечатано то, что важно для тебя.

Теперь, по прошествии многих лет, я могу сказать, что на том совещании столкнулись два типа мышления. Безупречно логичное Л.С.Либровича, который, опираясь на бесспорно достоверные, лично не один раз проверенные факты, последовательно развивал вязь логически безукоризненных выводов, которые доказывали пространственную ограниченность яруса рамками одной биогеографической провинции. Стиль мышления В.В.Меннера был иной. Он в своих рассуждениях опирался не на одну группу фактов, принимаемых за аксиомы, а на целый ряд довольно разнообразных аксиоматических положений, интуитивно связываемых им в единую многомерную систему. Такая органичная связь логики и интуиции, которая была присуща, с моей точки зрения, его мышлению, была весьма притягательна.

Но притягивал к себе В.В.Меннер и еще одним качеством, которое, увы, встречается довольно редко: он уважал мнение своего собеседника, независимо от того, был ли он начинающим исследователем или маститым академиком. Беседуя с ним, ты никогда не чувствовал неудобства: он умел не подавлять собеседника своей эрудицией, быстротой мышления, знаниями. Он уважал чужое мнение, даже если оно расходилось с его взглядами. Эта уважительность сопровождалась деликатностью. В моей памяти остались страницы моей работы, на полях которой очень мягким карандашом были отмечены строки, а напротив было написано лаконичное: "Так ли?" Потом шел примерно такой

разговор: "С тем, что Вы мне сейчас рассказали, я согласен, но посмотрите, так ли четко Вы сформулировали эту мысль в тексте?" Приходилось не раз краснеть. Иногда после моих разъяснений следовало: "Вы меня не убедили, но Вы автор и решайте, как написать". Такой предельно деликатной, уважительной работы с автором я больше не встречал в своей жизни. Как мы любим почеркать чужое творение, сопровождая подчеркивания язвительными замечаниями на полях!

Однако уважительность и деликатность Владимира Васильевича соседствовали с резкостью суждений и выражений, когда речь шла об отношении к науке и людям. Помню один разговор с ним вскоре после моего переезда на Дальний Восток. Обсуждая вопросы организации палеонтолого-стратиграфических работ во Владивостоке, я упомянул в разговоре имя одного стратиграфа-дальневосточника. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, услышал: "Будимир Владимирович, прошу Вас, никогда не упоминайте имени этого человека: я не считал, не считаю и никогда не буду считать его ученым!" Это был единственный случай, когда я услышал металл в его всегда доброжелательном и немного картавом голосе. Причин такого отношения я не знал, но спустя ряд лет убедился, насколько Владимир Васильевич был прав в своей оценке.

К доказательности В.В.Меннер относился очень требовательно. В одной своей работе я привел график определения плавучести раковин ископаемых фораминифер для разделения их на планктонные и бентосные формы. График был построен на основе теоретических расчетов. Мне он нравился, и я считал его весьма изящным. Поэтому не совсем приятно было услышать от Владимира Васильевича: "Все эти расчеты хороши, но надо проверить, так ли это?". В момент разговора я думал: "Ну неужели В.В.Меннер не понимает, что для вымерших форм такая прямая проверка невозможна". И несколько обескураженный таким поворотом в общем-то доброжелательного разговора, я вышел из кабинета. Пройдя по коридору до лифта, подумал, почему бы не проверить этот график на современных заведомо планктонных и бентосных формах. Я тут же позвонил Х.М.Саидовой, на следующий же день получил полную поллитровую банку современных фораминифер, под ее руководством разобрал раковины на планктонные и бентосные формы, определил виды. Через день я вылетел домой, во Фрунзе. Там в течение дня мне сделали шлифы отобранных раковин, данные по которым, определив необходимые параметры, я нанес на график. Планктонные формы... поплыли, а бентосные спокойно легли на дно. Ровно через неделю я снова вошел в знакомый кабинет и, поздоровавшись, молча положил график перед Владимиром Васильевичем: "Я уже видел его!" — "Конечно видели, но вот без этих точек, которые отвечают современным планктонным и бентосным формам". — "Вот теперь другое дело", — только и сказал Владимир Васильевич.

Известно, что В.В.Меннер был великолепным оратором. Один из его приемов особенно запомнился мне. Выступая на обсуждении одной диссертации, В.В.Меннер так построил свою речь: "Когда я взял в руки эту работу — и он показал том диссертации, — у меня возник ряд сомнений", — и он начал их перечислять одно за другим. Думаю, что слушать это диссертанту было совсем не просто. "Однако, когда я прочитал ее, то мои сомнения отпали по следующим причинам ..." — и так он последовательно снял все свои замечания.

И в заключение я хотел бы обратить внимание еще на одну черту Владимира Васильевича. Он был прост и раскован в любом обществе и тогда, когда был кандидатом, и потом, когда стал доктором, а затем и академиком. При первом личном знакомстве летом 1957 г. он запомнился мне в простых коломянковых брюках, рубашке с засученными рукавами и сандалиях на босу ногу. Шло какое-то заседание, после которого меня познакомили с ним, и мы долго беседовали о стратиграфии фамена и турне Таласского Алатау, смежного района с Казахстанским Каратау, которым он всегда интересовался.

Владимир Васильевич был доступен, люди шли к нему, сменяя друг друга в знакомом всем кабинете в здании ГИНа. Только потом я понял, какой это труд день за днем помогать советами, снимать сомнения, подсказывать новые пути, отдавая ежечасно людям богатство своей личности.

Р.И.Волков

Национальный комитет геологов России

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

"В одном из ранних изданий Британской энциклопедии после статьи на слово "интеллигенция" помещена отдельная дополнительная статья о русской интеллигенции. В ней говорится о том, что в дополнение к перечисленным выше достоинствам, присущим интеллигенции вообще, для русских интеллигентов характерны: готовность жертвовать личными интересами во имя общего блага, скромность, человечность и доброта. Именно таким русским интеллигентом является Владимир Васильевич..." (из выступления академика Б.С.Соколова на торжественном заседании Ученого совета ГИН РАН, посвященного 80-летию академика В.В.Меннера).

Общение с такой яркой и многогранной личностью неизменно вызывало у меня чувство радостного удивления: современная жизнь не балует нас подобными встречами.

Первая беседа произошла на следующий день после приема мной дел Национального комитета геологов СССР (НKG СССР) в апреле 1977 г. в его маленьком кабинете на третьем этаже Геологического

института. Владимир Васильевич, вице-президент Международного союза геологических наук (МСГН), подробно рассказал об истории создания этой организации, ее структуре, деятельности, работе в ней наших ученых и о своем видении путей развития международного научного сотрудничества. В заключение он с грустной усмешкой добавил: "... к сожалению, это вряд ли удастся осуществить в обозримом будущем, но стремиться к этому конечно надо. Будем использовать любую возможность". Владимира Васильевича интересовало буквально все: мои научные планы, участие в полевых работах, публикации, знание английского языка и многое другое. Разговор был настолько интересен, обстановка — настолько непринужденной и благожелательной, а все вместе взятое — так необычно, что я вышел из кабинета совершенно очарованный.

В 1978 г. Владимир Васильевич был утвержден председателем НГК СССР, и мы стали видеться практически ежедневно. Поражала увлеченность Владимира Васильевича каждым из его многочисленных дел и степень его самоотдачи: здесь и лекции в МГУ, работа на кафедре палеонтологии МГУ, в Редакционно-издательском совете АН СССР, Библиотеке естественных наук, научная работа в ГИНе, заседания различных научных советов и мн. др. Но несмотря на предельную занятость, Владимир Васильевич умудрялся найти время вникнуть в существо дел нашего Комитета, дать совет, порекомендовать пути решения той или иной проблемы. Когда возникала необходимость обсудить что-либо в деталях, например годичный отчет Комитета, он говорил: "Милый друг, здесь нас будут все время отвлекать. Приходите-ка лучше, если конечно можете, вечером часов в 7–8 ко мне домой, принесите материалы, попьем чаю, все обсудим и решим". Это были незабываемые вечера. Возвращаясь домой, переполненный впечатлениями, планами, желанием поскорее начать их осуществление, воодушевленный уверенностью в своих силах.

С 1978 по 1984 г. Владимир Васильевич регулярно выезжал в январе за рубеж для участия в работе Исполкома МСГН. К этим заседаниям он относился очень серьезно: готовились материалы по основным пунктам повестки дня, предложения по совершенствованию Устава МСГН и т.д. Перед каждым заседанием мы в гостиничном номере Владимира Васильевича еще раз детально прорабатывали все вопросы, намеченные к обсуждению на следующий день с учетом складывающейся ситуации, обсуждали нашу позицию, тактику поведения и варианты голосования важных для нас вопросов. Хорошо помню длительную и упорную работу Владимира Васильевича для получения согласия Исполкома на организацию подписки журнала "Episodes" и научных публикаций МСГН для наших ученых не за валюту, а за рубли. Через несколько лет такое разрешение было получено, но сколько для этого потребовалось энергии и сил! И это при

том большом уважении и влиянии, которыми пользовался Владимир Васильевич среди членов Исполкома...

С большим юмором относился он ко всяким бюрократическим несуразностям, так часто сопровождающим нашу жизнь.

Был такой эпизод. В январе 1983 г. мы прилетели в Бангкок на очередное заседание Исполкома МСГН. В аэропорту нас встретил молодой, элегантно одетый мужчина, представившийся советником советского посольства в Таиланде. По дороге он тоном, не допускающим возражений, объяснил академику, что нам забронированы номера в гостинице, которую наше посольство рекомендует советским гражданам.

— Спасибо за проявленную заботу, — с улыбкой заметил Владимир Васильевич, — но, видите ли, мы уже сообщили президенту МСГН свое согласие на бронирование номеров в отеле, где будут жить остальные члены Исполкома и где будут проходить заседания.

— Придется переобъяснить президенту ситуацию, — невозмутимо парировал советник посольства.

— Ну что же, если Вы настаиваете, ...это конечно неудобно, но... будем переобъяснять ситуацию, — завершил беседу Владимир Васильевич.

Минут через 15 после того, как мы разместились в наших довольно неопрятных номерах, звонит телефон, и Владимир Васильевич, весело так и с хитрецей спрашивает:

— Милый друг, к Вам заходил портье с "интересным" предложением?

А ко мне действительно только что заходил молодой тайланец, что подносил наши чемоданы, и предлагал за сходную цену "молодую красивую девушку, имеющую свидетельство о прекрасном здоровье, которая будет счастлива скрасить ваш досуг".

— Заходил, — отвечаю.

— Вот и чудесно. И ко мне, представьте, заходил. Значит так — берите свой чемодан и спускайтесь в холл. Поедем в отель к нашим коллегам по Исполкому, в отель, не рекомендованный советским гражданам.

Таким вот образом, к большому удовольствию Владимира Васильевича, мы оказались в отеле, где проходили заседания и проживали все члены Исполкома. Позже, вспоминая этот случай, он, лукаво улыбаясь, сказал: "... может быть, нас с вами проверяли на моральную устойчивость?"

Вообще в Бангкоке было много интересных моментов, ярко характеризующих Владимира Васильевича.

Первые же свободные от заседаний часы, несмотря на сорокаградусную жару, были посвящены посещению исторического комплекса: Изумрудной пагоды и Королевского дворца. После завершения заседаний Исполкома во время трехдневного ожидания рейсового самолета

та Аэрофлота Владимир Васильевич посетил древнюю столицу Таиланда в окрестностях Бангкока, превращенную в национальный исторический музей под открытым небом. Историческое и культурное наследие страны, в которую судьба забрасывала Владимира Васильевича, всегда были для него приоритетом (конечно, после научных и организационных заседаний).

Скрупулезную честность В.В. в денежных вопросах хорошо иллюстрирует ситуация, возникшая в том же Бангкоке. Все расходы, связанные с участием вице-президентов МСГН в заседаниях Исполкома, включая оплату перелета Москва–Бангкок–Москва, компенсируются этой международной организацией. Как известно, валютная стоимость авиабилетов Аэрофлота очень высока. Тем не менее МСГН компенсировал в долларах стоимость билета В.В. Позднее в неофициальной обстановке казначей МСГН Джон Рейнемюнд сообщил мне, что льготный авиабилет из Москвы в Бангкок и обратно в случае приобретения его МСГН через свои каналы, а не в Аэрофлоте, обошелся бы вдвое дешевле. Когда я рассказал об этом разговоре Владимиру Васильевичу, он очень разволновался: "... мы не можем, не должны использовать ситуацию с ценами Аэрофлота для того, чтобы выкачивать деньги из международной научной организации. Надо немедленно вернуть Рейнемюнду разницу между льготным тарифом и стоимостью моего билета!" Что и было сделано. Естественно, что подобные действия Владимира Васильевича укрепляли его и без того высокий авторитет в Исполкоме МСГН.

Трудно переоценить то огромное чувство ответственности, с которым Владимир Васильевич относился к своим обязательствам, например оппонированию диссертаций на заседаниях ученых советов. Был такой случай в 1979 г. Мы впервые приехали в Швейцарию на очередную сессию Исполкома МСГН. После окончания заседаний мы могли бы остаться в Цюрихе еще на 2–3 дня (посмотреть достопримечательности, посетить исторический музей), но Владимир Васильевич решил лететь обратно сразу после завершения заседаний: "Я должен быть на защите докторской диссертации в Ленинграде, я обещал, надо обязательно выступить. Но, милый друг, давайте я дам Вам задание — посетите геологический факультет Цюрихского университета, оставайтесь еще на пару дней, посмотрите город, съездите в Женеву. А я уж в следующий раз, сейчас не могу — должен быть на защите..." Мы, конечно, вернулись в Москву вместе, но подумалось, когда это Владимир Васильевич еще раз попадет в Швейцарию, да и попадет ли вообще?

Не могу не отметить еще одну черту Владимира Васильевича. Он был большим ценителем красоты — будь то архитектура, живопись, изящный слог литературы, ясное и красивое изложение научной концепции. Вместе с тем для себя лично он считал возможным, например, ходить со стареньким, потертым (и всегда до отказа набитым бумага-

ми) портфелем или отшучиваться от предложений Нины Степановны (его жены) купить или сшить в академическом ателье новый плащ. И вот в 1978 г. Владимир Васильевич с Ниной Степановной и я оказались в Амстердаме на учредительной конференции Ассоциации геологических обществ Европы. Однажды к вечеру, после заседаний, Нина Степановна говорит: "... Володя собрался погулять по городу. Я остаюсь. Отдохну. А Вам, Руслан Ильич, поручаю купить Володе плащ. Гуляйте, но без плаща не возвращайтесь!" Пришлось буквально "затаскивать" Владимира Васильевича в магазины, примерять плащи, а на такого крупного человека найти нужный размер было не просто. Наконец нашли — и цвет, и материал, и размер — все подходит, но когда Владимир Васильевич услышал цену (что-то около двухсот долларов, при переводе с голландских гульденов), он замахал руками: "... нет, ни в коем случае... Это слишком дорого, ну зачем же, мне и в моем плаще хорошо...". После долгих уговоров, несмотря на энергичные возражения Владимира Васильевича, поручение Нины Степановны было все же выполнено и плащ куплен. В итоге, мне кажется, все остались довольны, включая академика.

Владимир Васильевич всегда был трогательно внимателен к сотрудникам нашего Комитета: то принесет огромный букет сирени, то пригласит поехать с ним на какую-нибудь редкую выставку картин, куда обычно надо стоять полдня в очереди... Кстати, на предложение директора выставки испанского музея "Прадо", встречавшего академика, пройти прямо на выставку, Владимир Васильевич категорически отказался идти без билета и настоял на покупке билетов (за свой счет, естественно) для всех троих: себя и двух сотрудниц Национального комитета геологов.

Таких, на первый взгляд, незначительных эпизодов можно вспомнить великое множество, они создают образ человека необыкновенного: доброго и отзывчивого, мудрого и принципиального, с энциклопедическим объемом знаний и большим чувством юмора, скромного и самоотверженного, одним словом — настоящего русского интеллигента, общение с которым приносит радость и обогащает духовно.

Редакционная статья
"Episodes", 1980, № 4

АКАДЕМИК В.В.МЕННЕР ИЗ СССР

Нетрудно выделить академика В.В.Меннера в толпе. На первый взгляд, эта заметная фигура человека с белой бородой, глубоко сосредоточенными глазами и серьезным, почти суровым выражением лица создает впечатление персонажа, сошедшего со страниц чеховской пьесы. Однако, если вы услышите, как он делает один из своих неподра-

жаемых обзоров деятельности Стратиграфической комиссии, или будете иметь удовольствие почувствовать его твердое рукопожатие и увидеть широчайшую и теплейшую улыбку, которую только можно вообразить, или станете свидетелем его проникновенного участия в дискуссии, вы поймете, что это один из русских джентльменов, не подверженных мрачным сомнениям чеховских героев.

Владимир Васильевич Меннер, вице-президент МСГН, является одним из наиболее высокоуважаемых стратиграфов мира. Как заведующий лабораторией детальной стратиграфии фанерозоя Геологического института АН СССР он постоянно обращается к тому, чем более всего увлечен — общей стратиграфии: "Стратиграфическая классификация, корреляция разнофациальных отложений, удаленных друг от друга, — заметил он в недавнем интервью, — особенно важны для Советского Союза, расположенного частично в Атлантическом и Средиземноморском регионах, частично в Тихоокеанском поясе и занимающего территорию, подстилаемую разнообразными морскими и континентальными отложениями".

Он объясняет свою любовь к стратиграфии влиянием своих первых учителей — геологов Марии Васильевны Павловой, которая работала в Сорбонне с Фейерфильдом Осборном из США, и Андрея Архангельского, автора первых русских учебников по геологии и основателя советской геологии. "Еще раньше, — добавляет он, — Боголепов, мой преподаватель естественной истории и географии, был первым, кто пробудил мой интерес к наукам о Земле; он всегда приносил в класс выкопанные кости и ископаемые остатки и таким образом определил мой последующий интерес к палеонтологии".

Академик В.В.Меннер работал несколько лет в Геологической службе СССР перед переходом в 1930 г. в Московский геологоразведочный институт в качестве заведующего кафедрой палеонтологии и декана геологического факультета. В 1934 г., когда Геологический институт АН СССР переехал из Ленинграда в Москву, он был приглашен Андреем Архангельским на работу в Академию наук, начав таким образом тесную и долголетнюю связь с ней. В то же время он продолжал читать лекции в Московском геологоразведочном институте.

"В течение многих лет моя жизнь состояла из чтения лекций в зимние месяцы и проведения геологических экспедиций летом", — вспоминает В.В.Меннер. С экспедициями он ездил по всему Советскому Союзу — на Кавказ в начале 30-х годов, в Дагестан, в Сочи в поисках минеральных вод в 1935–1937 гг. "Фауна рыб из третичных отложений Советского Союза была одним из наиболее интересных исследований, проведенных в это время, — добавляет он, — их пользу для детальной стратиграфии нельзя переоценить".

В 40-е годы он проводил геологические исследования на Северном Урале в составе экспедиции Академии наук, которая составляла карту

Урала и рудных месторождений этой области. Он участвовал в большой нефтяной геологической экспедиции на север Сибири, в районы Тунгуски и Енисея в 50-е годы, а затем возглавлял экспедицию на Камчатку, посвященную стратиграфии и тектонике. Его личная привязанность к северу и научные исследования этой области принесли ему премию им. С.М.Кирова.

Из всех наград и почестей, среди которых два ордена Ленина, академик В.В.Меннер особенно ценил медаль за оборону Москвы во время второй мировой войны и избрание в 1966 г. действительным членом Академии наук. "Академик", — объяснял он, — высшее звание в советских академических кругах. Нас только 250 во всем СССР".

В настоящее время академик В.В.Меннер является заведующим кафедрой палеонтологии геологического факультета Московского университета, председателем Национального комитета геологов и заместителем председателя Стратиграфического комитета Советского Союза. Он с любовью вспоминает свою работу в качестве президента Международной комиссии по стратиграфии МСГН с 1968 по 1972 г. и считает, что по деятельности некоторых рабочих групп этой комиссии можно судить об эффективности международных организаций, таких как МСГН, в целом: "Очень важно, чтобы работа, проделанная, например, по границе силура и девона, была применена к другим границам. В ближайшем будущем нам нужна общая детальная классификация зон с более дробными подразделениями и определением возможности глобальной корреляции".

Влюбленность академика В.В.Меннера в науки о Земле, очевидно, присуща всей его семье. Его первая жена геолог, вторая жена — географ, занимающаяся четвертичной стратиграфией, его сын работает геологом, а дочь посвятила свою карьеру экономической географии. Большая академическая школа последователей, которая охватывает несколько поколений и многие страны, является данью его профессионализму, здравомыслию и вдохновению.

Что делает такой человек, как академик В.В.Меннер, в свободное время? "Я изучаю египетские иероглифы, читаю хорошую литературу (Брюсов и Белый — любимые писатели) и играю на скрипке". После расспросов он признал, что выступал в оркестре Московского университета. "Я люблю классическую музыку"; — говорит он и, подмигнув, добавляет, — "not pop".

П.Сартенер
Королевский Институт естественных наук
Брюссель, Бельгия

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ (о В.В.Меннере)

Наш друг покинул нас слишком рано!

Владимир Васильевич Меннер был ученым высочайшего уровня, прекрасным администратором и выдающимся организатором. Но он был и просто жизнерадостным человеком, способным вдохнуть жизнь в работу групп, в которых он принимал участие. Среди прочих его достоинств — постоянство в дружеских привязанностях, несравненная способность представлять свою страну. Но я могу назвать не только эти особенности его личности. Еще легче мне вспоминать то, как пересекались несколько раз наши пути, каждый из этих случаев был исключительным событием для меня, каждый запечатлелся в моей памяти. Именно в повседневной жизни мы можем лучше всего познать различные стороны человека, в особенности такого удивительного, как В.В.Меннер. Множество воспоминаний проходят перед моими глазами, помогая мне соединиться с тем, чей уход из жизни я не могу принять, хотя в конце концов я заставляю себя склониться перед жестоким, но неизбежным законом природы, перед которым все мы в конечном итоге равны.

Наше знакомство состоялось в декабре 1963 г., во время моего первого посещения СССР в качестве гостя Академии наук. Я был приглашен в кабинет красивого старинного здания, и простая комната была озарена теплой улыбкой и природным изяществом нашего успешного друга. Но было нечто большее, нечто необъяснимое, что может быть описано как проявление магнетизма, своего рода напряжение, ощущаемое в пронзительном взгляде. Лишь немногие люди способны так воздействовать. Другой великий русский ученый — Дмитрий Васильевич Наливкин также обладал подобным даром. Благодаря судьбу, что несколькими днями позже, уже в другом кабинете этого здания, за небольшими заклеенными окнами с двойными стеклами, защищавшими нас от холодной зимы, укрывшей Москву белым покрывалом, мне посчастливилось присутствовать на дискуссии двух знаменитых в геологии людей перед большой картой СССР. Таким образом я стал восхищенным свидетелем обмена мнениями между равными, чья энциклопедическая эрудиция уравнивалась их взаимным уважением. Наблюдая за ними как за живыми монументами, я не мог удержаться от сравнения их с гигантскими деревьями в лесу, поскольку их укорененность в России была так очевидна, что мне казалось я почти вижу животворные соки, поднимающиеся по их телам. Как можно забыть такой уникальный момент?

Было бы неверно заключить из этого случая, что восхищение Владимиром Васильевичем, которое он мог вызвать, могло поставить его выше других. Далеко не так! Его простота, открытость и безграничная доброта останутся в моей памяти так же, как и его профессиональный и моральный авторитет. Ответственность, а также обязанность по организации международных совещаний, проводившихся в его стране, заставляли В.В.Меннера ехать в аэропорт или на железнодорожный вокзал, ожидая иногда часами в месте сбора. Ни возраст, ни положение в мировом сообществе, ни холодная погода не могли остановить Владимира Васильевича, в любое время дня и ночи он был там. Его широкая улыбка и мягкий голос помогали успокоиться человеку, только что прибывшему в мир, отличный от его собственного, избавляли его от страхов и волнений. А как он сам, когда путешествовал за границей? Среди многочисленных случаев, когда я имел возможность встретить его за пределами его страны, наиболее яркое впечатление оставило его присутствие на 24-й сессии Международного геологического конгресса в 1972 г. в Монреале. Канада, богатая и необъятная страна, показывала миру те значительные успехи, которых она достигла в области геологии за прошедшие 25 лет. У нее были тесные плодотворные связи с другими крупными странами, с которыми она разделяет большую часть Арктического региона, поэтому Владимир Васильевич и его соотечественники, принимавшие участие в работе конгресса, были встречены с радушием. Его ранг академика, руководство делегацией своей страны, равно как и высокие должности в международных комитетах и союзах, позволяли ему остановиться в любом из фешенебельных отелей вблизи штаба конгресса. Но он выбрал в качестве места проживания университетский комплекс, где я имел удовольствие общаться с ним каждое утро за завтраком, знакомясь с его взглядами на различные области жизни и понимая его видение мира. Так как наша резиденция располагалась на одном из холмов, по имени которого Монреаль и получил свое название, мы могли продолжать наши беседы по пути вниз к центру города и возвращаясь вечером. Время предало забвению многое, но оно никогда не сотрет из памяти эти моменты отдыха и размышлений между лихорадочной деятельностью в ходе международного конгресса.

К моей радости в конце 1991 г. мне посчастливилось совершить поездку в Звенигород, город на берегу Москвы-реки. Его прекрасные церкви и удивительный монастырь-крепость, свидетельствующие о былом величии и той исторической роли, которую он играл как форпост обороны Москвы всего на расстоянии 60 км от нее. Именно сюда, на широкое залесенное пространство Русской равнины, которое окружает эту драгоценность московской короны, приезжал Владимир Васильевич и находил убежище на своей даче. Я прогуливался по тропинкам среди берез, чьи кроны волновались от морозного ветра. Мой друг говорил с теми же своими прекрасными интонациями, и я трепе-

тал, зная, что следую вслед за ним. Именно там Владимир Васильевич вдохновлялся истоками, историей и славой своей родины. Именно там, вдали от ежедневных профессиональных забот, он находил успокоение для разума, ощущал реальные проявления жизни и черпал силы для встречи с суматохой города. Это была наша последняя встреча, но не была ли она и первой?

Хотя мы можем раскаиваться в жестокосердии, но часто мы не уроним не единой слезы по поводу ухода из жизни человека, пусть и глубоко уважаемого. Мы можем ощущать тяжелую потерю, а можем и почувствовать, что воздух вокруг нас стал чище. С другой стороны, бывает, что великое горе сжимает наши сердца, великая утрата появляется в нашей жизни, и мир становится пустым.

Прощай, Владимир Васильевич.

Ч.Холланд
Университет Дублина
Ирландия

ПРОФЕССОР В.В.МЕННЕР

Академик В.В.Меннер, почетный член Лондонского геологического общества, внезапно скончался 6 января 1989 г. в возрасте 83-х лет. За несколько дней до этого он, как обычно, читал лекции в Московском университете. Идя по тропинке со своими домашними к даче, он упал в снег. В.В.Меннер был выдающимся геологом, председателем Национального комитета геологов СССР, главой отдела стратиграфии Геологического института АН СССР, вдохновителем научной программы 27-й сессии Международного геологического конгресса, состоявшейся в Москве в 1984 г., в прошлом президентом Международной комиссии по стратиграфии МСГН.

Специальной областью его исследований была стратиграфия палеогена и неогена, но его интересы были значительно шире и охватывали проблемы совершенствования общей системы стратиграфической классификации от региональной до глобальной. Его будут помнить благодаря существенному вкладу в достижение международного взаимопонимания и кооперации по этим проблемам. В период его руководства Международной комиссией по стратиграфии были созданы все ее подкомиссии и рабочие группы. В 1977 г. В.В.Меннер и Б.С.Соколов организовали совещание по нижнему палеозою небольшой группы ученых-стратиграфов из разных стран, которые с большим энтузиазмом приехали в Алма-Ату (Казахстан). В этом далеком городе с прекрасными фонтанами и парками, расположенном на фоне Тянь-

Шаньских гор, мы имели возможность неформальных и длительных дискуссий по теоретическим основам стратиграфии. Позднее эти обсуждения были продолжены с Москве в Геологическом институте, где работал В.В.Меннер.

Он был замечательным человеком, самоотверженным, целеустремленным и в то же время необычайно симпатичным и привлекательным. Он был всегда выше любой конкуренции и тщеславия. Его авторитет был очень высок, но более молодое поколение русских геологов относилось к нему с любовью и восхищением. Он был очень добр к гостям, приезжавшим из других стран. Его традиционная открытка с новогодними поздравлениями дошла до меня после известия о его смерти. Мы больше не увидим его прямую фигуру в темном костюме, с торчащей вперед седой бородкой и эти проникающие вглубь глаза, в которых было так много дружелюбия.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Ю.Б.Гладенков.</i> Нравственные уроки В.В.Меннера	5
<i>А.И.Жамойда.</i> Человек, приносящий радость	16
<i>И.С.Барсков.</i> В.В.Меннер и кафедра палеонтологии МГУ	25
<i>Д.М.Раузер-Черноусова.</i> О Владимире Васильевиче Меннере	30
<i>М.А.Ахметьев.</i> В.В.Меннер: МГРИ, пятидесятые годы	32
<i>К.В.Никифорова.</i> Памяти В.В.Меннера	38
<i>К.И.Кузнецова.</i> О В.В.Меннере (и "музейные дела" тоже)	42
<i>И.С.Граммберг.</i> Такие короткие встречи	44
<i>В.Д.Наливкин.</i> Краткие воспоминания	47
<i>Б.В.Поярков.</i> В.В.Меннер: штрихи к портрету	48
<i>Р.И.Волков.</i> Русский интеллигент	51
Академик В.В. Меннер из СССР (редакционная статья из "Episodes")	55
<i>П.Сартенер.</i> На перекрестках (о В.В.Меннере)	58
<i>Ч.Холланд.</i> Профессор В.В.Меннер	60